

РУССКІЙ ПРОСТОНАРОДНЫЙ МИСТИЦИЗМЪ.

(СООБЩЕНІЕ, ЧИТАННОЕ ВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛЕНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, 13-ГО МАЯ 1869 Г.)

Мм. гг. Литература отечественной этнографіи недавно обогатилась двумя капитальными приобрѣтеніями. Я разумью изданную въ началѣ настоящаго года въ Казани профессоромъ церковной исторіи въ тамошнемъ университетѣ г. Добротворскимъ монографію: „Люди Божіи, русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ“ и двѣ статьи г. Мельникова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“: „Тайныя секты“ и „Бѣлые голуби“. Книга г. Добротворскаго и статьи Мельникова посвящены одному и тому же предмету — изслѣдованію исторіи, ученія и обрядовъ секты, извѣстной въ народѣ подъ именемъ Хлыстовщины и болѣе точно названной г. Добротворскимъ „Людьми Божьими“—именемъ, которое усвоетъ себѣ въ своихъ пѣсняхъ сама секта. Но, не смотря на замѣчательное обиліе свѣдѣній, сообщаемыхъ двумя почтенными изслѣдователями, нельзя сказать, чтобы этотъ важный и интересный предметъ былъ исчерпанъ ими вполне, такъ, чтобы наукѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только подвести итогъ и сдѣлать окончательныя заклю-

ченія о сектѣ. Вотъ почему, мм. гг., я испросилъ у васъ позволеніе обратить ваше вниманіе на собранные мною новые матеріалы, относящіяся къ тому-же предмету, которому посвятили свои труды гг. Добротворскій и Мельниковъ. Съ давнихъ поръ занимаясь съ особеннымъ вниманіемъ изученіемъ русскихъ сектъ, я имѣлъ возможность, между прочимъ, изъ разныхъ источниковъ, преимущественно въ г. Липецкѣ (лѣтомъ 1868 г.) собрать 145 пѣсень секты Людей Божіихъ, отчасти историческихъ и догматическихъ, отчасти — обрядоваго и смѣшаннаго содержанія (1).

Отвергая богослуженіе Церкви и находя ея пѣснопѣнія недостаточными для своихъ радѣній, сектанты учатъ, что нужно Господеви воспѣвать всегда пѣсню нову. На практикѣ, конечно, этотъ принципъ строго не выдерживается сектантами; есть много церковныхъ пѣснопѣній, употребляемыхъ и хлыстами: это тѣ пѣсни, которыя хлысты находятъ возможнымъ истолковать въ смыслѣ своего ученія (преимущественно пѣсни церковныхъ каноновъ). Нѣкоторыя хлыстовскія пѣсни представляютъ текстъ пѣсней православныхъ въ извращенномъ и испорченномъ видѣ, или въ стихотворномъ переложеніи, какъ напр.:

Бога человѣкомъ
Видѣть не возможно;
На него не смѣютъ
Ангелы взирати. И т. д.

По тѣмъ не менѣе, въ силу указаннаго принципа, хлыстовскіе пророки и пророчицы на радѣніяхъ большею частію считаютъ себя обязанными, по крайнему своему разумѣнію, импровизировать каждый разъ новые

(1) Изъ числа ихъ 36 пѣсней представляютъ болѣе полные варианты пѣсней, уже напечатанныхъ прежде въ разныхъ изданіяхъ.

гимны и пророчества. Здѣсь источникъ необычайного обилія хлыстовскихъ пѣсенъ. Въ литературномъ отношеніи, въ отношеніи своего грамматическаго и стихотворнаго склада, пѣсни хлыстовъ имѣютъ не одинаковое достоинство, хотя всѣ непременно выражаютъ хлыстовское ученіе въ примѣненіи къ частнымъ обстоятельствамъ цѣлой секты или одного корабля. Неудачно составленныя, будучи разъ пропѣты, забываются, лучшія же записываются желающими, усваиваются другими кораблями и получаютъ въ сектѣ такъ сказать классическое значеніе.

Какъ велико число этихъ пѣсенъ, можно судить по тому, что не смотря на то, что эти пѣсни, какъ и самое ученіе хлыстовъ содержатся сектантами въ строгой тайнѣ, что онѣ становятся достояніемъ изслѣдователей лишь случайно или съ чрезвычайными усилиями, что собраніемъ этихъ пѣсенъ, какъ и изслѣдованіемъ самой секты стали заниматься весьма недавно, — кромѣ собранныхъ мною 145 пѣсенъ, мы имѣемъ еще больше 50-ти пѣсенъ, собранныхъ покойнымъ Н. П. Надеждинымъ (въ приложеніи къ его „Изслѣдованію о сконческой ереси“), 85 пѣсенъ, собранныхъ г. Добротворскимъ (изъ нихъ впрочемъ около 20 пѣсенъ — тѣже, что и у Надеждина) (1), да въ разныхъ мелкихъ статьяхъ о скопцествѣ и хлыстовщинѣ можно насчитать до 40 пѣсенъ (въ статьѣ Крыжина—въ Вѣстникѣ Географ. Общества, въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, и пр.).

Пѣсни хлыстовъ, по моему мнѣнію, имѣютъ двойкій интересъ: историко — литературный, какъ памятники

(1) Пятеро пѣсни: 5-я (у Кел. 25-я), 6-я (—1-я), 7-я (—2-я), 8-я (—3-я), 15-я (—4-я), 16-я (11-я), 19-я (26-я), 24-я (—27-я), 25-я (9-я), 32-я (13-я), 35-я (6-я), 39-я (10-я), 42-я (5-я), 43-я (8-я), 45-я (20-я) 68-я (12-я), 80-я (30-я).

устной народной словесности, поэтического народного творчества, и — историко-культурный, какъ матеріалъ для характеристики одного изъ наиболѣе распростра- ненныхъ видовъ русскаго религіознаго разномыслія, какъ болѣе или менѣе значительный фактъ духовной самобытности и умственной самодѣятельности русскаго простолюдина. Какъ произведенія поэтическаго творче- ства эти пѣсни, мнѣ кажется, должны быть поставлены отнюдь не ниже, если не выше нашихъ духовныхъ стиховъ и легендъ, къ которымъ онѣ непосредственно примыкають по своему религіозному характеру и отъ которыхъ отличаются лишь большею самобытностію въ замыслѣ, своеобразіемъ основнаго мотива и внѣшняго построенія. Въ большинствѣ ихъ замѣчается искусное соединеніе мысли и образа, глубокое лирическое чув- ство, доходящее по временамъ до восторженности, жи- вописность образовъ и стройность картинъ. Во второмъ отношеніи—какъ матеріалъ для характеристики секты, ея ученія и обрядовъ, ея внутренняго быта—пѣсни хлыстовъ, по моему мнѣнію, имѣють гораздо больше значенія, чѣмъ тѣ показанія уличенныхъ въ хлыстов- ствѣ крестьянъ, какія записаны слѣдователями и затѣмъ изъ министерскихъ архивовъ попадаютъ въ руки изслѣ- дователей. Если въ этихъ послѣднихъ вѣрованія хлы- стовъ излагаются съ документальною ясностію и опре- дѣлительностію, то въ пѣсняхъ они представляются намъ съ большею полнотою, рельефностію и, главное, съ большею вѣрностію. Что касается до такихъ матеріа- ловъ, какъ письма Радаева, которые послужили главнымъ источникомъ для изслѣдованія г. Добротворскаго, то можно опасаться, что въ нихъ содержится не столько ученіе цѣлой секты, сколько личные понятія о предме-

тахъ вѣры—самага арзамаскаго пророка: тогда какъ пѣсни хлыстовъ, распѣваемые повсемѣстно въ хлыстовскихъ корабляхъ съ давнихъ поръ, содержать въ себѣ несомнѣнно ученіе цѣлой секты.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, представляя собранныя мною пѣсни въ распоряженіе отдѣленія этнографіи, для котораго изученіе памятниковъ самобытной народной культуры, народнаго русскаго творчества составляетъ прямую задачу, я полагаю бы полезнымъ напечатать ихъ въ одномъ изъ изданій общества, предварительно обработавъ ихъ для изданія въ томъ видѣ, въ какомъ вообще принято издавать памятники народной словесности, какъ это дѣлаютъ г.г. Безсоновъ и Рыбниковъ при изданіи былинъ и духовныхъ стиховъ, Аванасьевъ—при изданіи сказокъ: раздѣлить ихъ на группы, примѣнительно къ характеру ихъ содержанія, сдѣлать сводные тексты нѣкоторыхъ болѣе распространенныхъ пѣсенъ, имѣющихся въ нѣсколькихъ редакціяхъ, снабдить каждую пѣсню необходимыми комментаріями, какъ дѣлаетъ г. Добротворскій въ своей книгѣ, наконецъ всему изданію предпослать этюдъ объ этихъ пѣсняхъ, о степени художественнаго ихъ достоинства, и, пожалуй, составить къ нимъ словарь, такъ какъ языкъ ихъ постоянно метафорическій, своеобразный, подобный языку офеней, и почти каждое обыкновенное слово имѣетъ въ нихъ свой особенный аллегорическій смыслъ.

Въ настоящемъ случаѣ я имѣю въ виду предложить, вмѣстѣ съ критическими замѣчаніями о трудахъ гг. Добротворскаго и Мельникова, нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній и общихъ соображеній о сектѣ Людей Божіихъ, на основаніи собранныхъ мною пѣсенъ, а также другихъ матеріаловъ, рукописныхъ и печатныхъ, которыми

не воспользовались ни Добротворскій, ни Мельниковъ между первыми особеннаго вниманія заслуживаетъ обширная записка калужскаго священника Сергѣева „О расколѣ, именуемомъ Христовщина“, представленная въ 1809 г. въ Святѣйшій Синодъ и обращающаяся въ рукописи между специалистами; между вторыми—VIII-й томъ Исторіи министерства внутр. дѣлъ, составленной г. Варадиновымъ, въ которомъ между многими другими свѣдѣніями помѣщена записка крестьянина Андреянова о скопцахъ, представленная авторомъ Императору Александру Павловичу въ Таганрогъ въ 1825 году, и потомъ—Тудскія Епархіальныя Вѣдомости за 1867 годъ, гдѣ помѣщена замѣчательная исповѣдь обратившагося хлыста. Кстати позволяю себѣ здѣсь замѣтить, что епархіальныя наши вѣдомости несправедливо игнорируются нашей ученой литературой: матеріала этнографическаго, археологическаго и статистическаго онѣ представляютъ гораздо больше, чѣмъ вѣдомости губерскія..

I.

Состоя бакалавромъ по расколу въ Казанской духовной академіи, г. Добротворскій, какъ онъ объясняетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, особенно занимался изученіемъ такъ называемыхъ духовныхъ русскихъ сектъ, и настоящее его изслѣдованіе есть плодъ шестилѣтнихъ его трудовъ по этому предмету. Большая часть изданной теперь книги, въ видѣ отдѣльныхъ статей, была напечатана еще въ 1858 и 1860 годахъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, издающемся при Казанской д. академіи. Теперь авторъ лишь собралъ эти статьи въ одно цѣлое, присоединилъ новую главу о пѣсняхъ хлыс-

товъ и скопцовъ и напечаталъ самыя пѣсни въ числѣ 85-ти. Автору удалось воспользоваться матеріалами доступными далеко не всякому. Это — 1) Двѣ обширныя рукописныя монографіи о сектѣ, принадлежавшія извѣстному своею миссіонерскою противораскольническою дѣятельностію, покойному нижегородскому архіепископу Іакову, составляющія, по всей вѣроятности, систематическій сводъ изъ тѣхъ подробныхъ отчетовъ и секретныхъ дознаній о сектѣ, какія представляемы были преосвященному подвѣдомственными ему приходскими священниками и миссіонерами. 2) Рукописи библіотеки Соловецкаго монастыря, принадлежащей въ настоящее время Казанской академіи (напечатавшей по этимъ рукописямъ столько замѣчательныхъ памятниковъ древней русской литературы въ своемъ „Православномъ собесѣдникѣ“). Въ Соловецкій монастырь, какъ извѣстно, хлысты и скопцы, со дня своего официальнаго обнаруженія и до послѣдняго времени, были ссылаемы на жительство и здѣсь, допрашиваемые, дѣлали обстоятельныя письменныя изложенія вѣрованій и обрядовъ своей секты. Изъ этихъ ихъ показаній соловецкій архимандритъ Досіеѣѣ еще въ 30-хъ годахъ составилъ свою монографію о скопцахъ (существующую доселе въ рукописи), которою, въ свою очередь, воспользовался Надеждинъ въ извѣстномъ своемъ „изслѣдованіи о скопческой ереси“. 3) Дѣла нижегородской и казанской духовныхъ консисторій, въ архивахъ которыхъ, вслѣдствіе-ли особеннаго развитія сектанства въ предѣлахъ этихъ епархій, или въ слѣдствіе какихъ другихъ обстоятельствъ, оказались особенно обстоятельныя свѣдѣнія о хлыстовщинѣ. 4) Письма крестьянина Радаева, пророка арзамаскаго корабля людей Божіихъ, который

въ этихъ письмахъ является для секты тѣмъ же, чѣмъ былъ авторъ „Поморскихъ отвѣтовъ“ — Денисовъ для безошовщинскаго раскола: „ученымъ“ истолкователемъ вѣрваній секты и систематизаторомъ ея ученія. 5) Наконецъ слушатели г. Добротворскаго, студенты Казанской академіи, по выходѣ изъ академіи, сдѣлавшись учителями семинарій казанскаго духовно-учебнаго округа, въ предѣлахъ котораго особенно процвѣтаетъ въ настоящее время секта людей Божіихъ, изъ мѣстъ своей службы присылали г. Добротворскому собранныя ими лично или, можетъ быть, какъ это иногда бываетъ, чрезъ своихъ учениковъ-семинаристовъ, пѣсни людей Божіихъ и скопцовъ, изъ которыхъ г. Добротворскій напечаталъ 85 пѣсенъ. Такое обиліе и такихъ важныхъ матеріаловъ заинтересовываетъ насъ въ пользу труда почтеннаго профессора и заставляетъ надѣяться найти въ ней важное пріобрѣтеніе для литературы этнографіи.

Но значеніе труда г. Добротворскаго возрастетъ въ нашихъ глазахъ, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что до него въ нашей печатной литературѣ не было рѣшительно ничего, что бы сколько нибудь знакомило съ избраннымъ имъ предметомъ, что г. Добротворскому пришлось самому пролагать дорогу въ области до него, можно сказать, не початой наукою. Статьи его въ „Православ. Собесѣдникѣ“ были первымъ опытомъ гласнаго и строго-научнаго изслѣдованія о такъ называемыхъ тайныхъ русскихъ сектахъ (1). Правда,

(1) Единственный печатный источникъ, на который ссылается г. Добротворскій, это небольшая статья Прав. Обзор. (1862, 8) излагающая „дѣло о квакерской ереси въ Москвѣ“, за которую принимали въ прошломъ столѣтіи хлыстовщину.

съ давнихъ поръ, съ XVII еще столѣтія, по мѣрѣ того, какъ въ различныхъ мѣстностяхъ дѣлались извѣстными правительству отдѣльныя обнаруженія хлыстовщины, въ подлежащія правительственнымъ учрежденія представлялись донесенія епархіальныхъ и свѣтскихъ властей, составленныя на основаніи показаній подсудимыхъ хлыстовъ предъ слѣдователями. Но и подсудимые сектанты, большею частію рядовые члены хлыстовскихъ общинъ, не имѣли ни достаточныхъ знаній о сектѣ, ни побужденій быть вполне искренними въ своихъ показаніяхъ; и слѣдователи, большею частію люди свѣтскіе, часто военные, были мало компетентны въ дѣлѣ религіозныхъ ученій и не могли представить свѣдѣній о сектѣ обстоятельныхъ и точныхъ, тѣмъ болѣе—сдѣлать какія либо соображенія о ея сущности и характерѣ. Да и эти неудовлетворительныя, часто противорѣчивыя, свѣдѣнія до послѣдняго времени оставались достояніемъ архивовъ, гдѣ хранились въ строгой тайнѣ, такъ какъ не признано было полезнымъ гласно обнаруживать существованіе этихъ такъ называемыхъ тайныхъ или вредныхъ сектъ. Только въ 1863 году эти официальные донесенія и отчеты резюмированы въ весьма добросовѣстно составленной, къ сожалѣнію мало распространенной, извѣстной однимъ спеціалистамъ, книгѣ г. Варадинова: „исторія правительственныхъ распоряженій по расколу“ (VIII томъ исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ) которою, впрочемъ, г. Добротворскій не могъ воспользоваться уже потому, что его сочиненіе написано раньше чѣмъ явилась книга г. Варадинова... Были двѣ-три попытки научнаго изслѣдованія секты: таковы упомянутыя выше—записка Сергѣева, изслѣдованіе архим. Досіея и книга Надеждина; но труды Сергѣева и архим.

Досиеея вовсе не были напечатаны ⁽¹⁾, а книга Надеждина хотя и была напечатана въ 1845 г., по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Перовскаго, но въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, кажется 50-ти, и не для публики, а для высшихъ правительственныхъ лицъ. Уже въ 1861 году она была перепечатана въ Лондонѣ г. Кельсіевымъ и составила 3-й томъ его сборника статей о расколѣ... Такимъ образомъ безъ преувеличенія можно сказать, что когда въ Православномъ Собесѣдникѣ (за 1858 и 1860 годы) г. Добротворскій сталъ излагать, на основаніи исчисленныхъ выше источниковъ, исторію, ученіе и обряды секты Людей Божіихъ, онъ открывалъ для насъ совершенно новый, дотолѣ невѣдомый міръ русскаго простонароднаго мистицизма. Имя секты, имъ изслѣдованной, до него въ печати только разъ было упомянуто — въ „Розыскѣ“ св. Димитрія Ростовскаго... Въ свое время прочитанныя съ живымъ интересомъ всѣми статьи Православнаго Собесѣдника послужили первоначальнымъ источникомъ для всѣхъ, писавшихъ или только упоминавшихъ о томъ-же предметѣ послѣ него: для гг. Максимова ⁽²⁾, Ливанова ⁽³⁾, Протопопова ⁽⁴⁾, и въ значительной мѣрѣ для самаго г. Мельникова.

Но самое важное, безъ сомнѣнія, достоинство книги г. Добротворскаго — ея научный характеръ, выражающійся какъ въ строго-научной обработкѣ того матеріа-

(1) Мы имѣли случай прочесть изслѣдованіе архим. Досиеея, хотя и не имѣемъ его подъ руками въ настоящее время. Авторъ пытался напечатать его, въ бытность свою въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ своимъ описаніемъ Соловецкаго монастыря, но попытка его не имѣла успѣха.

(2) „За Кавказомъ“, Отеч. записки 1867 г.

(3) „Рационализмъ русскихъ сектантовъ“, Всемирн. Трудъ 1868 г.

(4) „Опытъ обобръннн мистическихъ сектъ въ Россіи“, Труды Кіевск. духовн. академіи 1867 г.

ла, какой былъ у него подъ руками, въ систематическомъ его изложеніи, такъ и въ томъ отношеніи, въ какое ставить себя авторъ къ сектѣ, въ его основномъ взглядѣ на нее. Излагая въ строгой системѣ ученіе секты съ возможною обстоятельностью и полнотою, и въ качествѣ богослова полемизируя съ нею, авторъ, однако, не глумится надъ нею, подобно г. Мельникову, не трактуетъ ее какъ простой курьезъ, какъ это дѣлаетъ въ своей книгѣ баронъ Гакстаузенъ (1): уважая человѣческое убѣжденіе, хотя и ошибочное, сожалѣя о заблуждающихся, авторъ ученію сектантовъ противопоставляетъ обстоятельное и спокойное опроверженіе съ точки зрѣнія православнаго богословія... Оказывается, что хлысты далеко не такіе жалкіе сумасброды, какими представляютъ ихъ обыкновенно, что въ основѣ ихъ странныхъ обрядовъ лежитъ цѣлая система ученія, ложнаго конечно, но далеко не бессмысленнаго (слѣдовательно тѣмъ болѣе опаснаго), въ которомъ каждый отдѣльный пунктъ органически примыкаетъ къ цѣлому и обоснованъ на неправильно понятомъ текстѣ св. Писанія или словахъ церковныхъ пѣсень. Это нисколько и не удивительно, если возьмемъ во вниманіе то обстоятельство, что ученіе Людей Божіихъ, хотя и содержится въ настоящее время исключительно простолюдинами, но не ими измышлено, что оно во многомъ повторяетъ ученіе еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства, съ которыми боролись великіе отцы Церкви, вооружась всею тогдашнею эллинскою и христіанскою ученостію, что, наконецъ, въ теченіи своего по крайней мѣрѣ выше-двух-

(1) Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, par le baron Auguste de Haxthausen 1847, Hanovre, t. I, c. IX.

вѣковаго (1) существованія на Руси, оно не разъ находило себѣ пріютъ „въ домахъ благородныхъ и въ монастыряхъ и не страшилось становиться не разъ даже на мѣстѣ святѣ, въ лицѣ самихъ служителей алтаря Господня“ (2). Вообще въ научномъ отношеніи книга г. Добротворскаго далеко оставляетъ за собою труды всѣхъ другихъ, занимавшихся изслѣдованіемъ русскихъ сектъ, не только такіе, какъ записка Сергѣева или „изслѣдованіе“ архим. Досиѣея, но и труды, не лишенные научныхъ достоинствъ, какова книга г. Новицкаго „о духоборцахъ“, изданная въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и, благодаря отсутствію всякой критики, вмѣсто ожидаемой пользы, принесшая лишь вредъ (извѣстно, что она была вся раскуплена самими духоборцами: представляя систему ихъ ученія, она сдѣлалась ихъ символической книгой, своего рода катихизисомъ), и какова въ особенности упомянутая уже книга Надеждина, которая, не смотря на замѣчательную церковно-историческую эрудицію автора, чужда необходимаго научнаго безпристрастія и оказывается не столько научнымъ изслѣдованіемъ, сколько судебнымъ розыскомъ... Мы уже не говоримъ о книгѣ г. Ливанова „Раскольники и острожники“, расходящейся съ такою необычайною быстротою (въ одинъ годъ — два изданія): въ этихъ quasi-беллетристическихъ разсказахъ, вовсе ужъ лишенныхъ научнаго характера, составленныхъ не съ особеннымъ мастерствомъ по документамъ министерства внутр. дѣлъ, въ которомъ, какъ видно изъ предисловія, служилъ авторъ, и по печатнымъ статьямъ, о которыхъ онъ благора-

(1) Говоримъ: свыше двухъ-вѣковаго, слѣдуя г. Добротворскому, по которому начало секты не восходитъ ранѣ половины XVII вѣка.

(2) Слова священника Сергѣева.

зумно умалчиваетъ—едва ли кто можетъ найти серьезный научный интересъ (¹)...

Къ сожалѣнiю, въ научномъ отношенiи книга г. Добротворскаго даетъ намъ далеко не все, чего можно было бы желать отъ „изслѣдованiя“, какъ авторъ называетъ свою книгу.

Какъ секта, существующая нѣсколько столѣтiй, хлыстовщина имѣетъ не только внѣшнюю исторiю своей общины, но и исторiю внутренняго развитiя, исторiю ученiя, слагавшагося постепенно, изъ элементовъ, какъ увидимъ, довольно разнообразныхъ, объединившихся уже въ позднѣйшее время и не образовавшихъ изъ себя системы лишь по причинѣ малаго числа образованныхъ членовъ въ сектѣ и по отсутствию чего-либо походяго на общеобязательное символическое изложенiе. Ученiе одной хлыстовской общины, при сходствѣ въ основной доктринѣ, очень часто весьма много разнится въ частностяхъ отъ ученiя другой общины. При первомъ же взглядѣ на секту въ ея цѣломъ легко можно различить въ ея ученiи два составные элемента: первоначальную фабулу, идущую издалека, отъ самыхъ первыхъ временъ христіанства, и позднѣйшее наслоенiе, плодъ бытовыхъ условiй русской жизни. Отъ *изслѣдованiя* мы въ правѣ ожидать, что, не ограничиваясь послѣдовательнымъ изложенiемъ ученiя въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время, авторъ прослѣдитъ постепенное паростанiе хлыстовскаго ученiя, начиная отъ первоначальнаго его зерна, сопоставитъ русскую секту съ однородными ей проявленiями мистицизма въ первые вѣка христіанства, съ совершенно—тождественными

(¹) Въ этой книгѣ напечатаны двѣ статьи относящiяся къ хлыстовщинѣ.

или, по меньшей мѣрѣ, аналогическими съ нею безчисленными сектами средневѣковой, а особенно современной западной Европы и Америки: съ этими бичующимися и пляшущими, квакерами, виртембергскими михеліанами, назареями, іерусалимскими друзьями, однимъ словомъ со всѣми тѣми сектами, о которыхъ такія обстоятельныя свѣдѣнія сообщаетъ Диксонъ въ своей „Новой Америкѣ“ (Спб. 1869) и въ книгѣ о духовныхъ женахъ (Спб. 1869), изслѣдуетъ генетическую связь хлыстовщины съ этими сектами, дастъ научное объясненіе появленія и развитія ея у насъ въ Россіи—изъ общечеловѣческихъ и мѣстныхъ, историческихъ и бытовыхъ, условій страны: однимъ словомъ приложить къ изслѣдованію секты Людей Божіихъ тотъ методъ, которымъ такъ удачно воспользовался г. Щаповъ по отношенію къ расколу старообрядства и который въ сочиненіяхъ этого писателя, не смотря на ихъ односторонность, далъ такіе богатые результаты (1).

Къ сожалѣнію, г. Добротворскимъ въ этомъ отношеніи или ничего не сдѣлано или сдѣлано очень мало. Въ его сочиненіи секта разсматривается виѣ всякой связи ея съ социальными и историческими условіями, среди которыхъ она возникла и развивалась у насъ, такъ что представляется явленіемъ оторваннымъ отъ жизни,

(1) Книга г. Щапова: „Русскій расколъ старообрядства“ въ свое время критикой признана замѣчательнѣйшимъ явленіемъ русской исторической литературы (смотри напр. статью Соловьева въ Атенѣ (1859, № 8) „Унія, казачество и расколъ“, статьи Бестужева-Рюмина въ Отеч. Зап. (1859, №№ 5, 6 и 11) и др.). Въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ о расколѣ, начиная съ статьи „Земство и расколъ“, г. Щаповъ измѣнилъ объективному характеру перваго своего изслѣдованія и заданъ тенденціей доказать исключительно политическій противо-государственный характеръ раскола, невѣрность которой мы имѣли случай доказать въ своей монографіи о Денисовыхъ (Прав. Обзор. 1865 г.).

случайнымъ, наноснымъ. О мистическихъ сектахъ Востока и Запада, съ которыми наша хлыстовщина имѣетъ несомнѣнное сродство, у г. Добротворскаго мы находимъ лишь краткое упоминаніе; генетическая связь ея съ ними не только не выяснена, но и не сказано существуетъ ли она. Авторъ распространяется, правда, о связи хлыстовщины съ масонствомъ, усиливаясь доказать вліаніе послѣдняго на нашу секту; но съ этимъ его мнѣніемъ трудно согласиться, какъ объ этомъ мы будемъ имѣть случай сказать ниже.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ напечатанія статей г. Добротворскаго въ „Православномъ собесѣдникѣ“, явилась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, статья г. Мельникова: „Тайныя секты“, и чрезъ два мѣсяца послѣ книги г. Добротворскаго о людяхъ Божіихъ, статья: „Бѣлые голуби“ въ томъ же журналѣ (1). По вопросу о русскихъ сектахъ г. Мельниковъ долженъ по видимому считаться судьей болѣе компетентнымъ, чѣмъ кто-либо:

(1) Мы не безъ цѣли указываемъ на время появленія статей г. Мельникова. Между двумя почтенными изслѣдователями существуетъ, по видимому, какое-то недоразумѣніе. Г. Добротворскій, въ своемъ предисловіи, рассказываетъ, что еще въ 1842 г. его сочиненіе было готово къ напечатанію и, отправляясь за границу, онъ отдалъ его для изданія одному извѣстному книгопродавцу. Возвратившись изъ-за границы онъ не только не нашелъ своей книги напечатанною, но и самая *рукопись его сочиненія оказалась затеряною*, такъ что только по уцѣлѣвшимъ черновымъ тетрадямъ ему удалось воспроизвести свое изслѣдованіе и напечатать. Съ своей стороны г. Мельниковъ объясняетъ, что все тѣ матеріалы, какими воспользовался г. Добротворскій, были и въ его рукахъ и въ нѣкоторомъ родѣ составляли его авторскую собственность, что покойный митрополитъ Григорій, которому передалъ эти матеріалы министръ внутреннихъ дѣлъ, переслалъ ихъ, вѣдетъ съ знаменитымъ „отчетомъ о состояніи раскола въ Нижегородской губерніи“ въ бібліотеку Казанской духовной академіи, гдѣ ими и воспользовался г. Добротворскій. Г. Мельниковъ видитъ въ этомъ, кажется, нарушеніе своихъ авторскихъ правъ. По нашему мнѣнію претензіи его едва-ли справедливы, такъ какъ онъ не доказываетъ, чтобы г. Добротворскій что-нибудь буквально заимовалъ изъ его „отчета“.

его „письма о расколѣ“, „историческіе очерки поповщины“ его беллетристическіе рассказы изъ раскольничьяго быта („Гриша“, „за Волгой“), а главное его дѣйствительно замѣчательный „отчетъ о состояніи раскола въ Нижегородской губерніи“, обращающійся въ рукописи между специалистами, доставили ему почетную извѣстность между изслѣдователями раскола и вообще русскаго сектанства. Благодаря своему прежнему оффиціальному положенію, онъ имѣлъ возможность составить такую богатую коллекцію матеріаловъ для изслѣдованія о сектахъ, какою едвали обладаетъ кто-либо другой. Но за всѣмъ тѣмъ справедливость требуетъ замѣтить, что послѣ книги Добротворскаго, хотя этотъ послѣдній далеко не обладалъ такимъ богатствомъ матеріаловъ, скороспѣлыя журнальныя статьи г. Мельникова о „Бѣлыхъ голубяхъ“ (тѣже „Люди Божіи“) даютъ намъ очень не многое. Авторъ очевидно не успѣлъ воспользоваться должнымъ образомъ всѣми своими матеріалами, спѣша изготовить статью, имѣвшую интересъ дня въ виду Плотицынскаго дѣла, возбудившаго въ публикѣ интересъ къ скопчеству и хлыстовщинѣ. Мы такъ думаемъ на томъ основаніи, что двумя замѣчательными записками, о которыхъ мы упомянули выше и которыя г. Мельниковъ указываетъ въ числѣ своихъ источниковъ (записки священника Сергѣева и крестьянина Андріянова: о томъ, что послѣдняя напечатана, г. Мельниковъ и не зналъ, хотя не зная книги Варадинова грѣшно такому специалисту по расколу, какъ г. Мельниковъ), онъ воспользовался въ самой незначительной степени. При всемъ обиліи матеріаловъ рукописныхъ, авторъ оказываетъ предпочтительное вниманіе источникамъ печатнымъ. Такъ, говоря о скопчествѣ вообще и излагая его исторію, онъ эксплуатируетъ книгу Па-

дежина ни сколько не меньше, чѣмъ это дѣлали наши газетные публицисты (въ статьяхъ о скопчествѣ по поводу Плотицынскаго дѣла); щеголявшіе надежинскою ученостію и выписывавшіе на столбцы газетъ греческіе и латинскіе цитаты, безъ малѣйшаго упоминанія объ источникахъ своей учености (1). Разсказъ о послѣднемъ хлыстовскомъ христвѣ Копыловѣ и о тамбовскихъ хлыстахъ онъ заимствуетъ изъ Тамбовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей; пѣсни хлыстовъ, приводимыя имъ, перепечатаны изъ Тульскихъ епархіальныхъ вѣдомостей и т. д. Но чего особенно не достаетъ статьямъ г. Мельникова, это—научнаго характера: его нѣтъ ни во взглядѣ автора на секту, ни въ изложеніи ея исторіи и ученія. Для г. Мельникова секта, надъ ученіемъ и странными обрядами которой нельзя не задуматься, во видпмому составляетъ не болѣе, какъ простой курьезъ, предметъ скорѣе празднаго любопытства, чѣмъ научной любознательности; тонъ статей анекдотическій — по мѣстамъ шуточный, иногда скабрѣзный (2). Точка зрѣнія автора на предметъ не научная, а публицистическая. Хотя секту далеко нельзя еще считать окончателъно выяс-

(1) Безцеремонность „Голоса“ въ этомъ случаѣ дошла до геркулесовыхъ столбовъ: выписывая изъ книги Надежина, онъ однакожъ цитуетъ рукописные матеріалы, единственные экземпляры которыхъ хранятся въ библіотекѣ Нижегородской семинаріи, узнать о которыхъ авторъ статьи могъ только изъ книги Добротворскаго, а самъ, конечно, и въ глаза не видалъ.

(2) Таковъ, напр., разсказъ г. Мельникова объ одномъ изъ хлыстовскихъ христовъ, Андрей Петровъ (Рус. Вѣст. 1839 г. мартъ, 392). Забѣдимъ, что въ курсахъ всеоб. исторіи, существующихъ у насъ, и обыкновенно цѣликомъ пересаживающихъ на русскую почву западныя историческія воззрѣнія (въ этомъ отношеніи самостоятеленъ только Хомяковъ въ своихъ „Запискахъ по всеоб. исторіи“) о западныхъ мистикахъ-масонахъ, ивакерахъ и пр., вездѣ говорится серьезно, научно, до нѣкоторой степени уважительно; только въ отношеніи къ русскимъ сектамъ не находятъ нужнымъ прилагать обычные историческіе приемы...

ненною и хотя г. Липранди, не менѣе г. Мельникова компетентный по вопросу о сектахъ, находить (въ замѣткѣ о скопцахъ, по поводу Плотицынскаго дѣла, въ „Голосѣ“), что даже секта скопцовъ вовсе чужда политическаго, противогосударственнаго значенія,—г. Мельниковъ, съ точки зрѣнія государственнаго благоустройства настаиваетъ на преслѣдованіи хлыстовъ. Изложеніе ученія сектантовъ въ статьяхъ г. Мельникова лишено всякой системы. „Обозрѣніе мое не стройно, въ немъ встрѣтятся противорѣчія“, сознается самъ г. Мельниковъ и оправдывается тѣмъ, что „не смѣетъ для стройности изложенія и избѣжанія противорѣчій переименовать что-либо“, какъ будто для того, чтобы излагать предметъ стройно, необходимо переименовывать! То онъ утверждаетъ, (и совершенно справедливо) что хлысты даютъ страшныя клятвы никому не открывать тайнъ своей секты и скорѣе тѣло свое готовы отдать на раздробленіе, чѣмъ постороннему человѣку сообщить что-нибудь слышанное и видѣнное въ кораблѣ“ (стр. 332); то увѣряетъ, что хлысть бываетъ „довольно откровененъ“ (стр. 333). То онъ сближаетъ хлыстовщину съ квакерствомъ (и не безъ основанія) и рассказываетъ, какъ англійскіе квакеры, пріѣзжавшіе отъ времени до времени въ Россію, съ нарочитою цѣлію познакомиться съ хлыстовщиной, посѣщая хлыстовскія радѣнія, находили въ нашихъ сектантахъ своихъ братьевъ; то рѣзко разграничиваетъ одно отъ другаго: квакеры-де-люди образованные; ученіе ихъ изложено систематически, формулировано научно, а наша „доморощенная“ хлыстовщина содержится безграмотными мужиками; и въ тоже время, нѣсколько позже, перечисляетъ многочисленныя примѣры принадлежности къ сектѣ лицъ духовнаго сана

и высокообразованныхъ особъ изъ высшаго свѣтскаго общества, г. Татаринову, семейство Буксгевденъ, князя А. П. Голицына, тайнаго совѣтника Попова, генерала Головина, князя Энгальчева, камергера Елянскаго, помѣщика Дубовицкаго, г.г. Родионова, Кошелева, Пилецкаго и другихъ... О пѣсняхъ хлыстовъ, въ которыхъ г. Добротворскій весьма справедливо видитъ „замѣчательныя произведенія народной поэзіи“ (51 стр.), „нерѣдко возвышенной и обольстительной, особенно для простолюдиновъ“ (стр. 102),—г. Мельниковъ отзывается весьма неблагоприятно: они отличаются, по его мнѣнію, бессмыслицей, хотя и не лишены печати какого-то дикаго поэтическаго вдохновенія. Наконецъ къ числу ошибочныхъ мнѣній г. Мельникова относится и то, что онъ совершенно отождествляетъ хлыстовъ съ скопцами: хотя скопчество выросло на хлыстовской почвѣ и хотя обряды и нѣкоторые пункты ученія совершенно сходны у обоихъ сектъ (почему хлысты позволяютъ скопцамъ присутствовать при своихъ радѣньяхъ и наоборотъ — что и ввело г. Мельникова въ заблужденіе), тѣмъ не менѣе хлысты отнюдь не скопцы... Не смотря, впрочемъ, на всѣ свои недостатки, статьи г. Мельникова изобилуютъ фактическими подробностями, значительно восполняютъ во многихъ случаяхъ книгу г. Добротворскаго и въ этомъ смыслѣ не лишены своего значенія. Г. Мельниковъ, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы, вмѣсто того, чтобы сочинять на скорую руку свои компіляціи изъ драгоценныхъ матеріаловъ, какими онъ располагаетъ, напечаталъ бы эти самые матеріалы, въ ихъ полномъ составѣ, хоть въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“, гдѣ уже не мало помѣщено подобныхъ матеріаловъ г. Липранди и другими.

Если почтенная редація этого изданія пашла возможнымъ напечатать въ немъ „Страды великаго искупителя“, то едва ли бы она затруднилась помѣстить въ немъ письма Радасва или „объясненіе“ Ивана Кудимова.

II.

Переходимъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ о сектѣ, какія сообщаютъ въ своихъ запискахъ Сергѣевъ и крестьянинъ Андреяновъ. „Свойства сей секты удивительны, говоритъ Сергѣевъ, она есть необыкновенная и отличная отъ всѣхъ породившихся въ російской Церкви расколовъ... Она изъ всѣхъ ересей заимствуетъ и ни съ одной (въ цѣломъ) не согласуется“. Дѣйствительно ученіе секты въ томъ видѣ, какъ излагаетъ его Сергѣевъ, представляетъ элементы самыхъ разнообразныхъ ученій, начиная отъ гностическихъ ересей первыхъ вѣковъ христіанства до позднѣйшаго квакерства и ирвингіанства.

Первый вопросъ, съ которымъ мы встрѣчаемся при изученіи хлыстовской догматики, это вопросъ о томъ, что такое по понятіямъ сектантовъ ихъ христы: Су-словъ, Лупкинъ, Петровъ и другіе? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно знать взглядъ сектантовъ на Божественнаго Основателя христіанства, Господа Іисуса Христа, лежащій въ основѣ всего ихъ догматическаго ученія. По словамъ Сергѣева наши сектанты „не признаютъ того, что Іисусъ Христосъ, совокупивъ въ особѣ своей оба естества, Божеское и чело-вѣческое, въ самомъ дѣлѣ принялъ на себя содѣйствіемъ Святаго Духа отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи плоть нашу и благоизволилъ родиться изъ нея истинно, яко совершенный младенецъ, во всемъ, кромѣ грѣха, съ другими чело-вѣками соестественный“: она учатъ, что *Сынъ Бо-*

жій, второе Лице Святой Троицы, сошедши на землю „Духомъ Своимъ Святымъ вселился въ чужую душу и плоть прежде зачатую и рожденную по общимъ законамъ природы человѣка“ Иисуса Назарей, — вселился на тридцатомъ году его жизни, „ради безпорочности его жизни, чистоты сердца и святости дѣлъ“. Съ этого времени человѣкъ Иисусъ Назарей сталъ Христомъ, т. е. помазанныкомъ, по причинѣ духовнаго помазанія, сообщеннаго ему Духомъ Святымъ, т. е. чрезвычайнаго дара ученія и пророчества. „И такъ, продолжаетъ священникъ Сергѣевъ, у нихъ Иисусъ Христосъ есть не больше, какъ первоначальный учитель, Сынъ Божій не по естеству, а по благодати, причастію и вселенію въ Него Духа Святаго“. Таковъ взглядъ нашихъ сектантовъ на Иисуса Христа, или „старога Христа“, какъ они выражаются. Нельзя не видѣть, если не тождества, то близкаго родства такого взгляда съ ученіемъ многихъ еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства...

Но то, чего удостоился Иисусъ Назарей, продолжаютъ сектанты, можетъ быть приобрѣтено и другими людьми. Иисусъ Назарей сдѣлался Христомъ, въ него благодатно вселился Сынъ Божій, второе Лицо Святой Троицы — единственно ради его естественной святости и чистоты жизни; но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы и другой кто-либо изъ людей достигалъ той же степени правдивой чистоты, какой достигъ родившійся отъ Іосифа и Маріи; слѣдовательно и другіе люди могутъ удостоиваться благодатнаго вселенія въ нихъ Сына Божія — дѣлаться христами. *Вселюся въ нихъ и похожду, а не въ него*, сказано въ писаніи, говорятъ хлысты. Кто заповѣди мои сохраняетъ, тотъ во Мнѣ пребываетъ и *Азъ въ Немъ*, сказалъ Сынъ Божій, ус-

тами „старого“ Христа, — и Отец Мой возлюбитъ его, и къ нему придетъ и обитель у него сотворимъ. Такимъ образомъ, говорятъ хлысты, извращая смыслъ словъ Спасителя, Христосъ, очевидно, не единственнъ; отъ времени до времени христы могутъ „открываться“ въ міръ снова, по мѣрѣ надобности, т. е. по мѣрѣ упадка въ міръ „чистоты“ и благочестія и по усердной, нарочитой молитвѣ „умныхъ людей“, т. е. сектантовъ. Потому-то хлысты и молятся постоянно на своихъ радѣнїяхъ:

«Дай намъ, Господи, Иисуса Христа,
 Дай намъ, сударь, сына Божьяго!
 И помилуй, сударь, насъ...
 Пресвятая мать Божїя!
 Упроси, свѣтъ объ насъ,
 Свѣта—сына твоего...
 Безъ тебя, нашъ свѣтъ,
 Много грѣшныхъ на землѣ,
 На сырой землѣ на матушкѣ,
 На сударьнѣ, на кормилцѣ!

Эта молитва составляетъ непремѣнную принадлежность каждаго хлыстовскаго радѣнья, и смыслъ ея совершенно понятенъ послѣ того, что мы только что сказали. Хлысты молятся собственно о томъ, чтобы Христосъ *открылся*, т. е. явенъ сталъ своимъ дѣтушкамъ; невидимо то или, точнѣе, незнаемо для нихъ онъ всегда пребываетъ съ ними „переселяясь духомъ своимъ изъ одного человѣка, по смерти его, въ другаго, и будетъ съ ними по обѣтованію стараго Христа до скончанія вѣка“. Основаніе для этого послѣдняго своего мнѣнія о непрерывномъ, невидимомъ пребываніи въ ихъ обществѣ христовъ, хлысты видятъ въ томъ, что волхвы, пришедшіе поклониться рождшемуся Спасителю міра, спрашивали: гдѣ Христосъ *раждается*, а не гдѣ родился. Да и въ церковной пѣснѣ поется: Христосъ *раж-*

дается, славите. Значить, говорятъ сектанты, Христось не одинъ разъ родился, а постоянно рождается, и христы постоянно являются и существуютъ въ міръ (1). Христовъ „открывшихся“ или „изобрѣтенныхъ“ доселѣ было въ міръ, по понятіямъ сектантовъ, шесть (по другимъ—семь): Аверьянъ (при Димитріѣ Донскомъ: о немъ есть хлыстовская пѣсня)“, Иванъ Емельяновъ (открывшійся и замученный, по словамъ другой хлыстовской пѣсни, при Грозномъ, котораго будто бы облачалъ за жестокость), Сусловъ, Лупкинъ, Петровъ и государь Петръ Федоровичъ, въ лицѣ котораго, по словамъ хлыстовъ „открылся Вышній на престолѣ суда“ (тамбовскіе хлысты седьмымъ христомъ считаютъ крестьянина Аввакума Копылова). „Изобрѣтенный“ или „открывшійся“ Христось, по словамъ сектантовъ, повторяетъ въ своей жизни и дѣятельности всю исторію земной жизни Христа Спасителя, или, по ихъ выраженію, стараго Христа: проповѣдуетъ и собираетъ свое „малое стадо“, которому даетъ вѣдать тайны царствія, т. е. своего ученія. „Злые іудеи“, т. е. люди невѣрующіе въ него, враждуютъ противъ него, преслѣдуютъ его и его послѣдователей, наконецъ распинаютъ его, какъ это было, на примѣръ, по разсказамъ хлыстовъ, съ Иваномъ Тимоѣевичемъ Сусловымъ. Въ свою очередь нашъ Спаситель, по понятіямъ сектантовъ, былъ и по ученію и по жизни совершенный „божій человекъ“, первый провозвѣстникъ ихъ ученія (2).

И такъ, очевидно, м. м. г. г., что христы людей Бо-

(1) См. Записку Андреева, въ VIII т. Ист. мнѣст. внутр. дѣлъ, стр. 259.

(2) Объ одномъ изъ своихъ христовъ хлысты говорили даже, что „у нынѣшняго сына Божія больше благодати, чѣмъ у прежняго“. Записка Андреева, стр. 255.

жихъ вовсе не то, что еврейскіе лжемессіи, являвшіеся до и послѣ Рождества Христова, или лжехристы первыхъ вѣковъ христіанства, которые пытались *замѣнить* собою личность Божественнаго Основателя христіанства, каковы были: Симонъ волхвъ или Менандръ, его ученикъ. И вообще ученіе хлыстовъ объ ихъ христахъ на христіанской почвѣ не находитъ ничего себѣ родственнаго или аналогическаго. Между христіанскими сектами не было и вѣтъ ничего подобнаго... Единственное ученіе, которое представляетъ черты сходства съ хлыстовскимъ миѳомъ объ ихъ христахъ,—это индійское ученіе о многократныхъ воплощеніяхъ Вишну. Ужъ не этотъ—ли индійскій миѳъ непонятнымъ образомъ отразился въ хлыстовскомъ ученіи, подобно тому, какъ въ нашихъ народныхъ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и другихъ богатыряхъ, по остроумнымъ соображеніямъ г. Стасова (1), повторились тѣ же фабулы, какія легли въ основу индійскаго, персидскаго и вообще восточнаго героическаго эпоса?.. Не восточное—ли также ученіе о переселеніи душъ отозвалось въ слѣдующихъ чертахъ хлыстовскаго ученія, передаваемыхъ священникомъ Сергѣевымъ: „отдѣльнаго существованія духовъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, не признають, а ихъ существованіе заключаютъ только въ челоуѣкѣ. Вѣрують, что по смерти добрыхъ и угодившихъ Богу людей души ихъ преобразуются въ ангеловъ, а иныя причисляются, по мѣрѣ заслугъ, къ лику святыхъ; злыя же и грѣшныя души дѣлаются діаволами, а нечестивые люди, не познавшіе пути Божія, т. е. вѣры ихъ, переселяются въ скотовъ, змѣевъ и проч. и опять изъ скотовъ и гадовъ переходятъ въ новорожденныхъ младенцевъ, потому что

(1) См. Вѣстн. Европы 1868 г. () происхожденія русскихъ былинъ.

младенцы, по ихъ мудрствованію, рождаются отъ нечистоты... *Въруая въ переселеніе душъ*, они такъ тѣсно сближаютъ небо съ землею и смѣшиваютъ небесную іерархію съ земною, что земля, по ихъ понятію, ничѣмъ не отличается отъ неба; самъ Богъ будто бы, сходя къ нимъ съ небесъ, со всѣми святыми ангелами, архангелами и прочими небесными силами, а также со всѣми святыми, пребываетъ съ ними во плоти, видимо утѣшаетъ и ублажаетъ, и они предъ нимъ ликують и кружатся здѣсь на землѣ, думая, что также будутъ по смерти кружиться на небѣ“...

Какъ ни далеко хлыстовское ученіе отъ истиннаго христіанства, тѣмъ не менѣе хлысты хотятъ видѣть въ Иисусѣ Христѣ основателя своего ученія, въ св. апостолахъ—проповѣдниковъ его, въ мученикахъ, преподобныхъ и вообще христіанскихъ святыхъ—послѣдователей этого ученія. Какимъ же образомъ они соглашаютъ это свое ученіе съ сказаніями библіи и церковной исторіи, когда несообразность его съ библіей очевидна съ перваго взгляда? Не рѣшаясь совершенно отвергать подлинность евангельскихъ и вообще библейскихъ сказаній, наши сектанты въ сказаніяхъ библіи, на сколько они не согласуются съ хлыстовскимъ ученіемъ, видятъ аллегорію, „духовное, по выраженію священника Сергѣева, предлагаютъ на чувственное, и чувственное на духовное; представляютъ невидимое—видимымъ, неосязаемое—осязаемымъ, а видимое и осязаемое—невидимымъ и неосязаемымъ“. Руководствомъ для нихъ при такомъ толкованіи библіи служить, такъ называемое, толковое евангеліе (книга, бывшая въ большомъ употребленіи между православными), въ которомъ событія евангельской исторіи истолкованы, съ цѣлію правоученія, въ смыслѣ

иносказательномъ, таинственномъ. Этотъ иносказательный смыслъ толкованій они принимаютъ за подлинный смыслъ евангельскихъ сказаній, а буквальный смыслъ послѣднихъ — за аллегорическій. Что касается до четіихъ—миней и прологовъ, рассказывающихъ жизнь святыхъ, то, производя названіе *пролога* не отъ греческаго слова *προλογος* (предисловіе), а отъ русскаго глагола *пролыню*, хлысты говорятъ, что жизнеописатели святыхъ въ прологахъ и четіихъ—минеехъ *облытали* святыхъ, изображали ихъ жизнь не такою, какова она была на самомъ дѣлѣ (потому что въ дѣйствительности всѣ святые, по понятіямъ сектантовъ, были хлысты, то есть хранили чистоту, совершали корабельныя радѣнія и проч.), а иною, для того, чтобы утаить дѣйствительную жизнь святыхъ отъ міра, по силѣ словъ церковной молитвы: *не бо украиомъ твоимъ тайну повѣмъ*, — подобно тому, какъ и теперь хлысты въ глазахъ міра являются добрыми христіанами — посѣщаютъ церковь, исповѣдаются и причащаются, и вообще бываютъ, по видимости, лучшими прихожанами православныхъ церквей, въ душѣ презирая Церковь, ея таинства и обряды.

Вотъ цѣлая система аллегорическихъ толкованій библіи и церковныхъ священнодѣйствій хлыстами, какъ она изложена въ запискѣ священника Сергѣева. 1) „*О паденіи перваго челоуѣка*. Ни Адама, ни рая вовсе не было. Подъ Адамомъ нужно разумѣть умъ нашъ, Ева — это душа, жена или помощница, которую Богъ будто бы создалъ Адаму — это плоть; Едемъ — общество „Божіихъ людей“; древа райскія — люди ихъ согласія; дерево среди рая, красное въ снѣдъ — прелестный женскій полъ; змій искунитель — плотское вождельніе, чрезъ которое падаетъ челоуѣкъ въ грѣхъ, плодъ древа райскаго, отъ

котораго будто бы вкусили прародители—самый грѣхъ.

2) Въ сказаніи *о переходѣ израильтянъ чрезъ Чермное море*: израильтяне знаменуютъ истинно вѣрующихъ (т. е. хлыстовъ древнихъ), Египеть—міръ; Фараонъ—грѣхъ; Моисей—законъ Божій, жезлъ Моисеевъ—сила его; переходъ чрезъ Чермное море—избытіе соблазновъ мірскихъ; манна—слово Божіе (изрекаемое пророками хлыстовъ); скрижали закона — человѣческое сердце.

3) Въ евангельскомъ сказаніи *О воплощеніи Сына Божія*: Дѣва Марія—чистая душа, архангелъ Гавріиль—человѣкъ, удостоившійся Божіей благодати; зачатіе Сына Божія—вселеніе въ душу Духа Святаго, рождество Христово—обнаруженіе въ хлыстѣ дара пророчества. Страданія Спасителя—скорбная жизнь въ мірѣ праведника; смерть Иисуса Христа—грѣхопаденіе праведника; положеніе во гробъ—лишеніе благодати и ослѣпленіе житейскими попеченіями; Воскресеніе Иисуса Христа — истинное покаяніе; вознесеніе—преуспѣяніе въ добродѣтели.

Въ повѣствованіи *о самарянкѣ*: самарянка—грѣшная душа, кладязь—крещеніе, живая вода—Святой Духъ; пять мужей самарянки—пять книгъ Моисеевыхъ. Болящій Лазарь—человѣческій умъ, немощію побѣждаемый; Марфа—плоть, Марія—душа и проч. Иуда, предавшій Господа, по сказанію евангелія, *шесть удавился*; народная легенда дополняетъ, что Иуда удавился *на осинѣ*; по толкованію хлыстовъ это значитъ, что онъ женился *на Аксиньѣ*. „Они говорятъ о вступившемъ въ бракъ: такой-то удавился или окрутился, а женитьбу почитаютъ за великій грѣхъ, младенцевъ называютъ грѣшками; повивальнымъ бабкамъ, говорятъ, за ихъ грѣхъ и прощенія не будетъ...“ (1). Совершенныя И-

(1) Записка Андреенова, стр. 255.

сусомъ Христомъ и святыми чудеса сектанты объясняютъ такъ. Ходить по водамъ, яко по суху — значить, жить въ мѣрѣ и не касаться его соблазновъ; горѣть и не сгорать (о купинѣ) быть искушаемымъ и не власть въ искушеніе, исцѣлять разслабленныхъ—подкрѣплять маловѣрныхъ, возставлять болящихъ отъ одра — ободрять унывающихъ, давать слѣпымъ прозрѣніе—научать истинной вѣрѣ (хлыстовщинѣ), отверзати слухъ глухимъ—проповѣдывать чистоту, отверзати уста нѣмымъ—поощрять на пѣснопѣнія во славу Божию и проч. Милоти и козїи кожи, въ которыхъ, по выраженію апостола, прошли святые поприще своей жизни — по понятіямъ сектантовъ суть таинства и обряды православной Церкви, которыя хлысты выполняютъ для вида, чтобы прожить безпечно, не терпѣть гоненій „отъ злыхъ іудеевъ“... Тамъ, гдѣ хлысты не могутъ библейскаго или богослужебнаго текста объяснить въ смыслѣ пносказательномъ, они переиначиваютъ слова и буквы, напримѣръ, вмѣсто: тѣло Христово прїимите, они говорятъ: дѣло Христово творите; вмѣсто: разрѣшеніе вина и елея (выраженіе церковнаго устава)—отпущеніе вишностей и прекращеніе ссоръ; Іорданъ рѣка, значить, у нихъ гортань, изъ которой пророческое слово—„какъ рѣка льется“.

Подобнымъ образомъ православнымъ иконамъ сектанты усвояютъ символическое значеніе. Иконостасъ въ цѣломъ своемъ составѣ есть символическое изображеніе ихъ великаго радѣнья, въ полномъ составѣ корабле икона, называемая деисусъ или денсисъ—малыя радѣнія; иконы двенадцатыхъ праздниковъ—разные моменты хлыстовскаго радѣнья; разныя иконы Пресвятой Богородицы—суть изображенія ихъ знаменитыхъ пророчицъ;

икона Спасителя въ томъ или другомъ видѣ — изображеніе того или другаго изъ ихъ христовъ. Въ этомъ смыслѣ хлысты охотно смотрять на иконы и даже покланяются имъ, хотя гораздо охотнѣе молятся другъ на друга, говоря, что гораздо разумнѣе поклоняться живому существу, въ которомъ можетъ быть невѣдомо для поклоняющагося обитаетъ Богъ, Духъ Святой или даже самъ Сынъ Божій, нежели неодушевленному дереву... У скопцовъ (1) особеннымъ уваженіемъ пользуются иконы архангела Михаила, возсѣдающаго на крылатомъ огненномъ или бѣломъ конѣ, поражающаго копьемъ змія, и св. Георгія Побѣдоносца, изображаемаго въ подобномъ же видѣ: архангелъ Михаилъ и св. Георгій, по ихъ толкованію, изображаютъ скопца, огненный конь — обожженную плоть его, бѣлый конь — пламенную чистоту, прибрѣтаемую оскотленіемъ, змій — знаменуетъ похоть плотскую, копье — орудіе оскотленія; на иконѣ св. Георгія изображаются, кромѣ самаго святаго и змія — царская дочь, имъ спасенная, царь, отецъ дѣвицы и городъ. Первая знаменуетъ душу, спасаемую отъ вѣчной гибели — оскотленіемъ, второй — самого Бога, съ любовью взирающаго на угодный будто бы ему подвигъ самоизуродованія, третій — небо, котораго удостоится скопецъ за свой подвигъ...

Послѣ всего этого что же такое въ глазахъ сектантовъ Церковь, ея исторія, ученіе, таинства, обряды? „Божественную нашу религію почитаютъ простымъ человѣческимъ изобрѣтеніемъ, выдумкою мудрыхъ зако-

(1) Скопчество, выдѣлившись изъ хлыстовщины, и образовавши отдельную секту, удержало однакожъ все ея ученіе и обряды. Единственное отличіе его составляетъ оскотленіе, котораго отнюдь не хотятъ допустить хлысты: не трудно бороться съ умерщвленными врагами, а ты поборись съ живыми, говорятъ они.

нодателей, изложенною въ равной силѣ, какъ и гражданскія постановленія.. Церковь есть учрежденіе, ничѣмъ не отличающееся отъ ветхозавѣтной синагоги и другихъ языческихъ собраний и только предзнаменующее ихъ духовную церковь⁴. Таинства они не признаютъ; особенно издѣваются надъ священствомъ. „Съ насмѣшкою говорятъ, будто вся духовность священнаго сана переродилась въ чувственные знаки. Монашескій, ангельскій бѣловидный чинъ преобразился въ черный... Окомъ зависти взирая на святительскія свѣтлыя и блистательныя украшенія, говорятъ, что вся благодать церковная окаменѣла и обратилась въ дорогія камня, золото и серебро, которое могло бы многихъ бѣдныхъ пропитать. Въмѣсто всякаго благолѣпія церковнаго употребляютъ, при своихъ богослуженіяхъ, простыя бѣлыя рубахи“. „Священниковъ именуютъ сопатами ослами“. „Супружеское сожитіе почитаютъ наравнѣ съ незаконнымъ прелюбодѣяніемъ, указывая на слова Спасителя: въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели, ибо почитаютъ себя таинственно воскресшими. Первый человекъ согрѣшилъ не тѣмъ, что вкусилъ плодъ отъ древа, а паденіемъ въ грѣхъ супружескаго совокупленія“. Остальныя всѣ таинства отрицаютъ на томъ основаніи, что по совершеніи ихъ, съ тѣми, надъ кѣмъ они совершены, не происходитъ будто бы никакой видимой перемѣны, ничего подобнаго тому, что испытываютъ хлысты во время своихъ радѣній. Истинные христіане, духовные, каковы хлысты, не имѣютъ надобности въ чувственныхъ знакахъ, какіе составляютъ принадлежность церковныхъ таинствъ: только сущій по плоти плотская мудрствуетъ, а иже по духу—духовная, а идѣже духъ, тамъ—свобода.

Мы не считаемъ нужнымъ доказывать, какъ пре-

вратно и несмысленно во всемъ этотъ учени хлыстовъ пониманіе ими св. Писанія. Какъ для испорченнаго желудка пища есть уже вредъ, справедливо замѣчаетъ Сергѣевъ, и какъ дряхлѣющему малѣйшее хвратіе преткновеніемъ бываетъ, а преткновеніе предускоряетъ и самое паденіе: такъ и для сихъ заблуждающихъ все служить къ соблазну,—всякое книжное сказаніе и всякій глаголъ Божій⁴.

III.

Въ настоящее время, по видимому, у хлыстовъ нѣтъ „изобрѣтенныхъ“ христовъ. Последнимъ такимъ христомъ признается у нихъ Государь Петръ III, который доселѣ, будто бы, сокровенно живетъ въ странѣ восточной, иркутской. Мѣсто христовъ заступаютъ теперь у хлыстовъ пророки. Такой пророкъ есть непременно въ каждой частной хлыстовской общинѣ, даже каждый частный членъ общины можетъ во время радѣнія удостоиться чрезвычайныхъ дарованій и изрекать пророчества. Подобно сектѣ ирвингіанъ, существующей въ настоящее время въ западной Европѣ (особенно въ Англіи) и въ Америкѣ, наши сектанты хотятъ видѣть въ своей сектѣ осуществленіе, повтореніе церкви первобытной, апостольской, когда овы были пророками, овы апостолами, овы пастырями и учителями. Когда были у хлыстовъ христы, при нихъ большею частію было двѣнадцать апостоловъ, которые помогали ему „уловлять вселенную“. Теперь, хотя и нѣтъ у нихъ христовъ, тѣмъ не менѣе чрезвычайныя благодатныя дарованія церкви первобытной существуютъ у нихъ въ полной мѣрѣ: и теперь овому дается Духомъ пророчество, иному даръ

языковъ, иному сказаніе языковъ. Хлыстовскіе пророки обладаютъ, по отношенію къ своимъ общинамъ, чрезвычайными полномочіями и авторитетомъ, свойственнымъ органамъ непосредственно дѣйствующаго чрезъ нихъ св. Духа, какъ въ постановленіи ученія и богослуженія, такъ въ устроеніи всей общественной и частной жизни членовъ секты. По словамъ г. Мельникова власть Далай-Ламы между буддистами—ничто, въ сравненіи съ тою властію, какою пользуется пророкъ въ хлыстовской общинѣ.

Въ чемъ же состоитъ, и какимъ способомъ достигается это нравственное совершенство, при которомъ простолюдинъ дѣлается христомъ или, по крайней мѣрѣ, пророкомъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить *нравственное* ученіе хлыстовъ, обстоятельно изложенное и разобранное въ книгѣ Добротворскаго. Мы изложимъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, словами г. Мельникова. Назначеніе каждаго человѣка, говорятъ хлысты, состоитъ въ томъ, чтобы умереть, воскреснуть и сдѣлаться ангеломъ, ибо всѣ ангелы (какъ мы видѣли выше) суть не что иное, какъ отжившіе люди, сподобившіеся таинственнаго воскресенія. Есть смерть о Адамѣ и есть смерть о Христѣ, есть мертвые о Адамѣ и мертвые о Христѣ. Смерть о Адамѣ есть послѣдствіе Божескаго приговора: земля еси и въ землю отыдеши. Смерть о Христѣ есть смерть таинственная, состоящая въ умерщвленіи воли, себялюбія и гордости, а главное въ умерщвленіи плоти, этаго злаго демонскаго начала въ природѣ человѣка,—въ полнѣйшемъ безстрастіи и святости. За этою смертію слѣдуетъ погребеніе о Христѣ, т. е. отвлеченіе мыслей отъ всего внѣшняго и углубленіе въ самого себя, какъ въ могилу. Въ тай-

никъ каждой души есть начатокъ духа Божія, и если кто умеръ о Христѣ, говорятъ хлысты, и спогребся Ему въ смерть, т. е. послѣ умерщвленія воли и плоти низойдетъ въ самага себя, тотъ услышитъ въ себѣ внутренней голось, и въ глубинѣ души своей найдетъ царствіе Божіе, которое внутри насъ есть. Кто услышитъ въ себѣ этотъ таинственный голось, тотъ таинственно воскресъ. Съ той минуты онъ дѣлается храмомъ Божіимъ и Духъ Божій живетъ въ немъ; съ той минуты онъ оправдится отъ грѣха, сдѣлается безгрѣшнымъ, и тогда ему, какъ праведнику, законъ не лежитъ.... Таинственно воскресшій вмѣсто своей воли получаетъ волю Божію; что онъ ни дѣлаетъ, что ни говоритъ—дѣлаетъ и говоритъ не онъ, но самъ живущій въ немъ Духъ Святой. Если онъ дурачится, прикидывается юродивымъ—во всемъ нужно видѣть особенную премудрость Божію, ибо бусе Божіе премудрѣе человека есть.

Отсюда уже, съ свойственною русскому уму смѣлостію и послѣдовательностію въ выводахъ, сектанты заключаютъ, что даже такіа дѣйствія таинственно воскресшаго, какъ развратъ Радаева, сознавшагося на судебномъ слѣдствіи въ связи съ тринадцатію женщинами, безпрекословно отдавшимися ему изъ повиновенія его пророческому авторитету, — есть не грѣхъ, а дѣло святое, такъ какъ оно не было дѣломъ собственно Радаева, а живущаго въ немъ Духа Святаго. Отсюда и свальный грѣхъ, которымъ оканчивается большая часть чрезвычайныхъ или великихъ радѣній—дѣло святое, дѣло религіознаго культа, любовь Христова,—такъ какъ совершается непосредственно вслѣдъ за радѣніемъ, когда Духъ Святой „накатитъ“ на радѣющихъ: плотское возбужденіе, которое является какъ слѣдствіе уси-

ленного раздраженія нервовъ послѣ усиленнаго бѣганья „на кругу“—есть дѣйствіе „накатившаго“ на нихъ Св. Духа... Дѣти, зачатыя отъ этого грѣха, признаются зачатыми по наитію Св. Духа, родившимися не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога; имъ усвоается названіе *христосиковъ*; воспитываются они подѣ надзоромъ мальчишки—пророковъ, а дѣвочки — пророчицъ и впоследствии заступаютъ ихъ мѣста въ сектѣ. Такимъ образомъ, у секты людей Божіихъ мы находимъ даже обоготвореніе разврата, нѣчто въ родѣ культа Афродиты и Астарты, хотя далеко не въ той эстетически-облагороженной формѣ, въ какой онъ является у грековъ и народовъ эллинизованныхъ. А что касается до умерщвленія плоти, этого злаго, демонскаго начала въ природѣ чело-вѣка, посредствомъ воздержанія, то въ этомъ пунктѣ хлыстовскаго ученія, равно какъ въ ученіи о близкомъ средствѣ и постоянномъ общеніи чело-вѣка съ небомъ и небожителями, о легкомъ переходѣ изъ одного міра въ другой, по нашему мнѣнію нельзя не видѣть самой близкой аналогіи съ гностицизмомъ.

Хлыстовскія радѣнья, подробно описанныя г. Добротворскимъ въ 3-й главѣ его книги, служащія вышшею формою богопочтенія таинственно воскресшихъ, составляютъ явленіе родственное богослуженію греческихъ евхитовъ, западныхъ бичующихся и пляшущихъ и наконецъ—кваверовъ. Подобно тому, какъ во всѣхъ этихъ сектахъ, бѣганье и верченье хлыстовъ на радѣньяхъ имѣетъ значеніе прежде всего аскетическое, дѣлается съ цѣлію изнуренія плоти (хотя, какъ видно изъ послѣдствій, какими они сопровождаются, цѣль эта достигается въ смыслѣ совершенно противоположномъ):

Богу порадайте,
 Плотей не жадайте,
 Марю (¹) не щадите,
 Богу послужите,

поютъ хлысты на радѣньяхъ. Затѣмъ уже эти бого-
 служебныя ихъ дѣйствія имѣютъ значеніе духовнаго ве-
 селія и ликованія, по образу небожителей, которыхъ
 блаженство, по понятіямъ хлыстовъ, состоитъ именно
 въ томъ, что они „ходятъ въ кругу“, доказательство
 чего видятъ въ словахъ церковныхъ пѣсней: *съ небес-
 ныхъ круговъ слетѣлъ Гавріилъ... небеснаго круга верхо-
 творче, Господи...* На землѣ первообразъ своихъ радѣ-
 ній сектанты видятъ въ дѣйствіи царя Давида, который,
 по выраженію церковной пѣсни, *скакаше иррая*,—и въ
 собраніи апостоловъ въ Сионской горницѣ въ день пяти-
 десятницы: Духъ Святой, по словамъ одной хлыстов-
 ской пѣсни, сошелъ на нихъ (подобно тому, какъ онъ
 сходитъ на сектантовъ во время радѣній) въ то время,
 какъ они „радѣли на кругу“.

Въ дополненіе къ описанію хлыстовскихъ радѣній,
 имѣющемуся въ изслѣдованіяхъ гг. Добротворскаго и
 Мельникова, сообщаемъ описаніе того же предмета Сер-
 гѣевымъ, отчасти пополняющее свѣдѣнія двухъ изслѣ-
 дователей, отчасти разнящееся отъ нихъ. „Когда на-
 ступаетъ какой-нибудь праздникъ, то наканунѣ ухо-
 дятъ изъ домовъ, подъ предлогомъ ярмарки или дру-
 гой причины, и незамѣтнымъ образомъ собираются въ
 тотъ домъ, въ которомъ предполагается радѣнье. Когда
 наступитъ ночь, собираются въ одну горницу. Помо-
 лившись образамъ, кланяются въ ноги сначала глав-

(¹) Евангельская Марѳа, по понятіямъ хлыстовъ, есть аллегоричес-
 кое имя плоти, подобно тому, какъ подъ Маріей, ея сестрой, нужно
 разумѣть душу.

ному учителю, потомъ всемъ братьямъ и сестрамъ, которые вошедшему отвѣчаютъ тѣмъ же. Вставши, вошедшій цѣлуетъ въ руку и въ уста наставника, потомъ цѣлуется съ прочею братією. Въ случаѣ, если собравію грозить какая-либо опасность со стороны мірскихъ властей, прежде, чѣмъ пачать радѣнье, разгавляютъ около дома караулы... Всеъ бывають одѣты въ длинныя бѣлыя рубахи, нарочито для радѣній устроенныя, съ длинными рукавами, а женщины одѣты въ лучшія свои одежды и подпоясаны голубыми или вообще цвѣтными поясами и лентами. Предъ иконами зажигаются свѣчи; учитель беретъ кадильницу, кадитъ иконы и предстоящихъ; потомъ, отдавши кадильницу, учитель, по образу нашихъ іерарховъ, кладетъ себѣ на плечи полотенце, подобіе омофора..., беретъ въ одну руку крестъ, въ другую—зажженную свѣчу, и вмѣстѣ со всеми начинаетъ пѣть: царю небесный.., многое множество моихъ, Богородице, прегрѣшеній.., большею частію переиначивая слова, отчасти по незнацію, отчасти преднамѣренно, примѣнительно къ своему учению. Потомъ, обращаясь поочередно на все четыре стороны, осѣняетъ крестомъ и свѣчею предстоящихъ, приговаривая.: Христось воскресе! Предстоящіе отвѣчаютъ: воистину воскресе! Затѣмъ ставитъ крестъ и свѣчу на мѣсто; всеъ садятся по лавкамъ и разстилають на колѣняхъ платки и полотенца, приготовляясь къ радѣнью. Въ это время наставникъ говоритъ поученіе, въ родѣ слѣдующаго: возлюбленные мои дѣтушки! не сомнѣвайтесь въ великой милости небеснаго Отца, взлетайте всеъ мыслями на небо къ престолу Батюшки Царя небеснаго, проливайте отъ сердца теплыя свои молитвы къ Нему, просите Его, Государя, чтобы нис-

послалъ милость Свою намъ, Сына Своего Иисуса Христа къ намъ послалъ, изволилъ бы намъ милости Своей послать, излилъ на насъ Духа Святаго благодать. „Посидѣвши затѣмъ нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи, наставникъ обращается къ хозяину дома съ такими словами: „ну-ко-сь, господинъ хозяинъ, благоволите-ка намъ съ Государемъ батюшкою повеселиться, небесною пищею Его насладиться, Богомъ-свѣтомъ завладать и на святомъ кругу его покатать“. Хозяинъ, вставши и поклонившись, отвѣчаетъ: „родимый ты нашъ батюшка, вить знаешь: народъ Божій собрался не стѣнъ моихъ смотрѣть, а мягкихъ пироговъ твоихъ покушать и слова Божьяго, отъ тебя, Государь послушать“. (У нихъ св. Писаніе называется сухарями, черствымъ хлѣбомъ, давно уже испеченнымъ, т. е. проповѣданнымъ, а ихъ пророчество—мягкими и горячими пирогами, которые вынимаются прямо изъ печи, т. е. изъ устъ пророка). Тогда наставникъ, перекрестившись, начинаетъ вмѣстѣ со всѣми молитву:

Дай намъ, Господи, Иисуса Христа,
Дай намъ, сударь, Сына Божія и проч.

По окончаніи этой молитвы, одинъ изъ собранія, заранее предназначенный „ходить въ словѣ“, т. е. пророчествовать, какъ бы въ изступленіи, вдругъ встрепенувшись, вскрикиваетъ, въ знакъ того, что на него „накатилъ духъ“, разувается, иногда его разуваетъ сидящіе подлѣ него; между тѣмъ все собраніе продолжаетъ пѣть протяжно ту же пѣснь: дай намъ, Господи и пр.; когда молитву запоютъ въ третій разъ—скорымъ напѣвомъ—онъ встаетъ, начинаетъ кружиться съ всхлипываньемъ, до тѣхъ поръ, „пока благодать совершенно имъ не овладѣетъ“; тогда онъ останавли-

вается, оправляется, приговаривая; „Христось воскрес“; имѣя дикій видъ, „быстрыми глазами смотритъ на всѣхъ гордо“, называетъ себя Богомъ, посматриваетъ въ находящійся въ его рукахъ платокъ, какъ бы въ нѣкій талисманъ, что-то говоритъ про себя; беретъ въ горсть руки воду и кропитъ ею горницу и присутствующихъ, чтобы къ нимъ не вкралась въ корабль какая нечистота, бросаетъ воду на воздухъ, какъ бы заливая пожаръ, т. е. могущій случиться розыскъ и разореніе ихъ секты. Послѣ этого всѣ встають, крестятся и молятся на него, а онъ „тихимъ и дикимъ голосомъ, „произноситъ на расцѣвъ свое пророчество, сначала обращая свою рѣчь къ цѣлому кораблю (такъ называется „общая судьба“) въ такомъ родѣ (1):

Ахъ мой батюшка, отецъ—да
 Ты услыши вѣдь меня—да
 Ты небесный вѣдь творецъ—да
 Ты мой-то вѣдь глава—да
 Благослови-кась ты меня—да
 Своего-то вѣдь раба—да
 Въ золоту трубу трубить—да
 Во небесный колколецъ—да
 На святомъ кругу звонить—да
 Что могу я безъ тебя—да?
 Ну мой батюшка родной—да
 Научи-же ты меня—да
 Твое слово проповѣдать—да...
 А вы други-ль вы мои—да
 Вы меня-то вѣдь простите—да
 Пропливайте горьки слезы—да
 И вы батюшку просите—да
 Умоляйте вы его—да...
 Чтобы онъ вѣдь заступилъ—да
 Ужь за насъ-то вѣдь спроть—да
 Упросилъ бы изъ рая—да
 У небеснаго царя—да

(1) Приводимъ это „пророчество“ въ томъ видѣ, какъ оно записано Сергеевымъ.

Ужь вѣдь птицу сокола—да
Что вѣдь духа-то свята—да
Ужь и къ намъ-то-ли сюда—да
Утѣшителя благова—да...
Ужь я вижу чудеса—да
Что всходились облака—да
Всколебались небеса—да
Отворяетъ намъ владыка—да
Ужь небесную-то дверь—да...
Наливается сосудъ—да
Ужь вѣдь Божьей-ли рукой—да
Что катить съ неба вѣдь судъ—да
Стойте всѣ вы, да со страхомъ—да
Дарить хочеть вѣдь отецъ—да
Изъ насъ всякаго вѣдь даромъ—да...
Ну живите, не тужите—да...
Только Богу миѣ служите—да...
Вы имѣйте чистоту—да
Что вѣдь дѣвство-то святое...
Не своимъ—да, вѣдь умою—да
Ужь вамъ други—да, говорю—да
А все Божьимъ-то судомъ—да... и проч.

За „общую судьбою“ слѣдуетъ „судьба частная“—предсказанье каждому члену корабля въ отдѣльности. Ниже мы представимъ характеристическіе образцы этихъ частныхъ пророчествъ. Здѣсь пророки истощаютъ всю свою изобрѣтательность, потому что каждому нужно сказать что-нибудь примѣнительно къ его частнымъ обстоятельствамъ. За частною судьбою слѣдуетъ самое радѣнье, состоящее въ бѣганьи и верченьи на одномъ мѣстѣ. Различные виды радѣнья описаны подробно г. Добротворскимъ: круговое—корабельное, крестикомъ и проч. Въ продолженіе круженія и скаканія, продолжаетъ Сергѣевъ, они поютъ свои пѣсни „очень согласно и пріятно“, по временамъ единогласно всхлипывая, издавая порывистыя трели и гоготанье, непрерывно повторяя: ой духъ, ой духъ, ой духъ! Ой гогъ, ой гогъ, ой гогъ! Царь-богъ, царь-богъ, царь-богъ!

Этимъ гоготаньемъ они наводятъ на слушателей ужась, и если послушать ихъ изъ-за стѣнъ, то можно подумать, что они чѣмъ-то сѣкуются, отъ чего и существуетъ въ народѣ молва, будто они, бѣгая около чана, хлыщутся, приговаривая: хлыщу, хлыщу, Христа ищю! Выйди къ намъ наружу и дай денегъ на нужу... При круженіи нѣкоторые трясутся, кривляются, топаютъ ногами, присѣдаютъ къ землѣ, приходятъ въ изступленіе и говорятъ „иными языки странныя глаголы“ которыхъ и сами, конечно, не понимаютъ. Случается, что иной хвалится: „я-де богъ великъ“, а другой отвѣчаетъ: „а я богъ больше тебя“, и чтобы рѣшить споръ, одинъ другому даетъ пощечину: кто равнодушно вынесетъ ее, подставивъ и другую ланиту, тому и причисляется большее божество: смиреннымъ-де дается благодать... У нѣкоторыхъ сектантовъ радѣныя имѣютъ нѣсколько другой видъ: эти, какъ они называютъ себя—„старога повѣту“ ограничиваются богослуженіемъ, по словамъ Сергѣева, совершенно тождественнымъ съ квакерскимъ... Радѣныя у обыкновенныхъ хлыстовъ оканчиваются пѣніемъ стиховъ: воскресеніе Христово видѣвши..., воскресъ Іисусъ отъ гроба..., прикладываніемъ ко кресту, къ рукъ главнаго учителя и взаимными лобзаніями со словами: Христось воскресе—востину воскресе!

Кромѣ радѣній, составляющихъ родъ богослуженія наиболѣе торжественнаго, совершаемаго только нодъ двенадцатые и годовые праздники, а также въ случаяхъ принятія въ секту новыхъ членовъ, есть еще другой родъ богослуженій хлыстовъ, совершаемыхъ гораздо чаще: это простыя „бесѣды“, на которыхъ бываетъ все, что и на радѣньяхъ, за исключеніемъ той

торжественной обстановки, какую мы описали выше. Для знакомства съ этими „бесѣдами“ приводимъ характеристическій разсказъ одного обратившагося хлыста. „Однажды, наканунѣ новаго года, собрались мы на „бесѣду“, часу въ десятомъ вечера. Въ пророческомъ дѣлѣ ходилъ домохозяинъ Ѳедоръ Силантьевичъ. Онъ карауломъ забылъ распорядиться предварительно, и мы были въ нѣкоторой тревогѣ. Онъ это замѣтилъ и обратился къ собранію съ такимъ пророческимъ словомъ:

Возлюбленные други!

Вы себя не тревожьте,
Надежду на меня, свята духа положьте,
Соборъ вамъ я крѣпкой стѣной огорожу,
На караулъ легіонъ ангеловъ пошлю...
Врага злого на сто сажень въ собору не допущу;
А вы мнѣ святому духу вѣрьте,
Живую благодатную воду мою лейте,
Подите, други, кораблемъ порадыте,
Въ духовной моей банѣ поплотѣйте...

„Мы образовали около пророка корабль и предались радѣнью со всѣмъ азартомъ, въ той надеждѣ, что нашъ соборъ караулитъ легіонъ ангеловъ. Въ самомъ разгарѣ „божьей работы“ вдругъ вбѣгаетъ въ соборъ работница: „бѣгите кто куда знаетъ, къ намъ кто-то приѣхалъ!“ На насъ напалъ паническій страхъ; мы не знали что и дѣлать. Духъ Святый изъ пророка въ одно мгновеніе улетѣлъ. Ѳедоръ Силантьевичъ только бѣгалъ по горницѣ и ахалъ. Марья была дѣвка сметливая: успокойся, говоритъ, сними верву, передѣнь бѣлье, а я приму ихъ и скажу, что ты моешься. Между тѣмъ мы всѣ кинулись бѣжать въ однихъ потныхъ рубашкахъ, босые, кто куда. Снѣгъ былъ по колѣно, морозъ градусовъ 25-ть, а намъ не холодно—жарко; казалось благодать насъ согрѣвала. Наконецъ хозяйнѣ прово-

диль прїѣзжихъ: то были голова и сборщикъ податей. Насъ увѣдомили и мы собрались—взять свое платье и обувь. Доканчивали бесѣду уже на другой день. На караулъ нарядили двухъ молодцовъ, а на ангеловъ уже не надѣялись. Сначала говорили о вчерашнемъ событіи. „Эки чудеса Богъ творить, говоритъ одинъ: до выселокъ — сажень двѣсти; а я домой прибѣжалъ — у меня ноги до того горячи, что снѣгъ подо мной таялъ, и готовъ еще столько же бѣжать. Ну, милость Божія дивная“! Другой говоритъ: „я думалъ, что бѣгу по травѣ, а не по снѣгу; если-бъ не стыдно было босому и раздѣтому придти въ домъ свой, то, кажись, добѣжалъ бы до самаго своего села (версты три)“⁴. Наконецъ говорю и я: „братцы, а я палецъ на правой ногѣ жестоко ознобилъ“. „Это значить—ты повиненъ грѣху, отвѣчалъ Федоръ Силантычъ: отъ того благодать тебя и не согрѣвала“⁴. Въ заключеніе разговора вчерашній пророкъ обратился къ обществу съ такою рѣчью: „Господь Богъ одинъ и тотъ же: какъ древле онъ разженные одры охлаждалъ и мученикамъ казалось, что они лежатъ не на огненномъ одрѣ, а на мягкой постели, такъ и до конца Господь свои чудеса творить будетъ. Помолитесь, братья и сестры, поблагодаримъ Господа за его къ намъ милости“⁴. Началась „бесѣда“⁴. На пророческое дѣло нарядили Молявку. Она пророческимъ словомъ заплѣла:

Вы любезные мои!
Будьте вѣрны до конца:
Не лишу злата вѣнца.
Хотя воронъ налетѣлъ,
Стадо мое распугалъ;
А самъ Господь Саваоѡъ
Съ неба на васъ поглядѣлъ,
Помощь—силу вамъ послалъ.

Ноженькамъ вашимъ, други,
Теплоту свою сослалъ;
А мои небесные круги
Всѣ блаженные духи
Невидимо васъ одѣвали,
Тѣла ваши согрѣвали;
И я, духъ святой, съ вами невидимо пребывалъ,
Ваши душевкы въ уборъ небесный убиралъ,
Всѣ ступеньки ваши и самъ духъ святой считалъ
За каждую ступень я сторицей заплачу,
А злого врага во гробъ вкочочу,
Чтобъ не смѣлъ пужать небесный мой синодъ,
И не смѣлъ-бы тревожить моихъ вѣрныхъ рабовъ.
А надъ вами благодатный всегда мой покровъ.
Оставайтесь, Богъ съ вами,
Милость Божія надъ вами.

Затѣмъ послѣдовала частная судьба. Помолившись сперва предъ образами, чтобы, благословилъ ее „небесный доброхотъ“ „идти ей въ походъ“ по его вѣрнымъ рабамъ“, помочь ей евангелъ толковой его вѣрнымъ прочитать, чтобъ могли они живаго Бога почитать, полного духа въ сердца свои включать, Отца и Сына непрестанно прославлять“, — она обратилась сначала къ Ѳедору Силантьичу, вчерашнему пророку, поклонилась ему съ крестнымъ знаменіемъ въ землю и заплѣла:

Здравствуй, вѣрный, дорогой,
Изобрашый воинъ мой!
Со врагомъ смѣло воюй,
Ни о чести ты не горюй.
Хотя злой врагъ помѣшалъ
Совершать мои дѣла,
И разстроилъ весь мой здѣсь
Благодатный кабинетъ (!)
Я злого того врага грозно накажу,
А тебя, моя душа,
Благодатью награжу.
Въ царствіе опредѣлю,
Со ангелами вселю,
Оставайся, Богъ съ тобой,
Покровъ Божій надъ тобой!

Затѣмъ началась судьба Семену Ариновичу:

Здравствуй, вѣрный рабъ ты мой,
Возлюбленный Симеонъ!
Ты дивишься на мои
Премудрыя чудеса:
Не могли вотъ тѣлеса
Повредиться отъ мороза.
Такъ тебѣ я что скажу:
Вѣра твоя горяча
Несумнѣнная была,
Она тебѣ помогла,
А благодать-то моя
Теплоту тебѣ дала.
Будь же вѣренъ до конца;
Не лишу тебя царства,
Обведу все мытарства.
Оставайся, Богъ съ тобой,
Милость моя надъ тобой.

Потомъ—судьба Ильѣ Ариновичу:

Ну, Богъ помощь и тебѣ,
Возлюбленный, дорогой:
Вѣдь батюшка духъ святой
И тебѣ тожъ помогаль,
Твое тѣло согрѣваль,
Благодатью одѣваль,
За то, что ты, душа моя,
Къ Богу сердцемъ воспыдалъ,
Свое сердце надрываль,
Бога въ помощь призываль.
Доведу я и тебя
До небеснаго дворца,
До блаженнаго рая.
Во судѣ меня прости,
А самъ въ небушко расти.

Дошла очередь до меня.

Ну, поди, душа, на судъ.
Ты бери дѣло въ разсудъ,
Какъ Богъ вѣрнымъ помогаль,
А тебя, душа моя,
Лютый морозъ ознобляль,
За чѣмъ вѣры не имѣль.
Вѣдь сомнѣнiе Петра

На дно моря повлекло,
И овь слезно закричалъ:
Господи, спаси меня!
Тогда самъ Господь Петра
За правую руку взялъ,
На корабль его поставилъ,
А Петръ Господа прославилъ.
Такъ и ты, душа моя,
Поди Богу помолись,
И праведнымъ поклонись,
Ихъ молитвъ себѣ проси.
А млѣ святу духу вѣрь,
Не погубить и тебя
Никакой лютый звѣрь.
Оставайся, Богъ съ тобою,
Покровъ Божій надъ тобою.

Отъ меня Молявка пошла съ частной судьбой по очереди къ другимъ „вѣрнымъ душамъ“ и благодарила за вчерашніе труды. А я принужденъ былъ, какъ маловѣрный, молиться Богу и кланяться всѣмъ въ ноги. Чрезъ нѣсколько дней я узналъ, что и другіе многіе ознобили ноги. Тогда я пожалѣлъ о своихъ поклонахъ, да уже дѣлать было нечего: слово—не воробей; выско-чить — не поймашь. Если-бъ я не сказалъ о своемъ ознобѣ, конечно и меня мнимый „духъ святой“ благо-дарилъ бы за крѣпкую вѣру и труды“ (1).

Наконецъ, къ числу обрядовъ секты Людей Божіихъ наши изслѣдователи, гг. Добротворскій и Мельниковъ, относятъ еще изрѣдка будто-бы совершаемый хлыстами гнусный обрядъ причащенія тѣломъ и кровію. „Во время моленія Люди Божіи сажаютъ въ чанъ, наполнен-ный теплой водой 16-ти лѣтнюю дѣвицу. Когда она усядется въ чанъ, подходятъ къ ней старухи, дѣлають глубокой надрѣзь на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сосцовъ—лѣвый и съ удивительною ловко-

(1) Тульскія Епарх. Взд. 1867 г., №№ 17 и 18.

стію останавливають теченіе крови. Во время этой страшной операціи даютъ ей въ руки икону Св. Духа (по Мельникову—икону нерукотвореннаго Спаса), чтобы она, углубившись въ благоговѣйное созерцаніе, легче переносила страшную муку. Потомъ отрѣзанный членъ тѣла кладутъ на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ еретикамъ, которые ѣдятъ ихъ. Когда окончится это людоедство, дѣвицу сажаютъ на возвышенное мѣсто, для нея особо устроенное, и все собраніе пускается плясать около нея, припѣвая: поплясакомъ, погорохомъ на сіонскую гору. Пляска дѣлается живѣе и живѣе, безуміе достигаетъ высшей степени; вдругъ свѣчи гаснутъ, и тогда начинается сцена, для которой напрасно будемъ искать примѣровъ и въ язычествѣ“. Эта сцена и есть свальный грѣхъ, о которомъ мы упоминали выше. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что наши изслѣдователи заимствуютъ этотъ рассказъ не изъ официальныхъ документовъ и не изъ письменныхъ какихъ-либо показаній самихъ хлыстовъ, какъ это они дѣлаютъ обыкновенно во всѣхъ другихъ случаяхъ, даже не столь важныхъ, какъ настоящій, а изъ книги Гакстгаузена, который „слышалъ“ этотъ рассказъ отъ одного „достовернаго“ лица. Какъ ни уважаемъ мы барона Гакстгаузена, особенно за открытое имъ общинное начало въ быту русскихъ крестьянъ (въ чемъ онъ, какъ извѣстно, предупредилъ самихъ славянофиловъ),—мы не находимъ достаточнымъ его авторитетъ въ настоящемъ случаѣ. Для того, чтобы переданный выше рассказъ могъ быть занесенъ въ *научное* изслѣдованіе, какъ *несомнѣнный* (какъ это мы находимъ въ книгѣ г. Добротворскаго), необходимо, чтобы онъ былъ подтвержденъ официальнымъ разслѣ-

дованіемъ, чего мы въ настоящемъ случаѣ не видимъ, не видимъ даже того, чтобы фактъ, подобный разсказанному, былъ упомянутъ хоть въ одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ письменныхъ источниковъ которые были въ распоряженіи г.г. Добротворскаго и Мельникова. Самъ же Мельниковъ говоритъ (1), что православный народъ питаетъ къ хлыстовщинѣ отвращеніе и какую-то суевѣрную боязнь; что „о ней ходятъ въ народѣ странные разсказы, съ примѣсью чудеснаго, какъ о колдунахъ, оборотняхъ, фармазонахъ и пр.“ Не подвляніемъ ли подобнаго взгляда на хлыстовщину сложился и разсказъ о причащеніи тѣломъ и кровію? Самъ же г. Мельниковъ отрицаетъ, сложившійся подобнымъ способомъ въ средѣ православныхъ, разсказъ о хлыстаньи „святыми жгутиками“ во время бѣгання вокругъ чана, на томъ основаніи, что онъ не подтвержденъ судебными разслѣдованіями, хотя о немъ говорится въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, бывшихъ въ его распоряженіи, и даже въ самыхъ пѣсняхъ хлыстовъ: почему же онъ находитъ болѣе достовѣрнымъ разсказъ Гакстгаузена ни на чемъ, кромѣ показанія „достовѣрнаго“ разсказчика, неоснованный? И возможное-ли дѣло, чтобы такое ужасающее и омерзительное явленіе, какъ мнимое людоедство хлыстовъ, осталось неизвѣстнымъ ни одному изъ составителей записокъ и донесеній о хлыстовщинѣ, которыхъ такое множество насчитываетъ г. Мельниковъ въ началѣ своей статьи, и о немъ зналъ лишь неизвѣстный „достовѣрный“ свидѣтель Гакстгаузенъ?... Официально дознанъ только одинъ видъ хлыстовскаго причащенія — хлѣбомъ и квасомъ, существовавшій у московскихъ хлыстовъ, обнаруженныхъ въ царствованіе

(1) Въ статьѣ: „Тайныя секты“, Русск. Вѣств. 1868 г., май.

Анны Іоанновны, — какъ это видно изъ дѣла о квакерской сектѣ (1).

IV.

Прежде, чѣмъ обнародованы будутъ всѣ имѣющіеся въ архивахъ матеріалы и собраны будутъ всѣ нужныя свѣдѣнія о хлыстовщинѣ, окончательное заключеніе о сектѣ было бы дѣломъ преждевременнымъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи имѣющихся уже въ литературѣ данныхъ, мнѣ кажется, можно сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ и соображеній о ней. Такъ:

1. Пересматривая всѣ имѣющіеся въ настоящее время въ печати матеріалы для изученія хлыстовщины, особенно статистическія данныя въ книгѣ г. Варадинова, мы не можемъ не придти къ тому убѣжденію, что секта Людей Божіихъ, послѣ раскола старообрядства, *самый распространенный изъ всѣхъ существующихъ на руси видовъ религіознаго разномыслія*. Нѣтъ, кажется, губерніи въ Россіи, гдѣ бы они, отъ времени до времени, не обнаруживали своего существованія. Начиная съ Костромской губерніи, гдѣ секта появилась въ царствованіе Алексѣя Михайловича, она обошла сначала всѣ центральныя губерніи: Ярославскую, Московскую, Рязанскую, Тульскую, Тамбовскую, Владимірскую, Орловскую, Калужскую, Пензенскую. Позже она появилась въ губерніяхъ поволжскихъ: Нижегородской, Казанской, Самарской, Саратовской, Астраханской, затѣмъ замѣчены обнаруженія ея въ губерніяхъ Воронежской и Таврической (шелапуты, ползуны, сусленики); губерніи малороссійскія, дотолѣ остававшіяся чуждыми

(1) Полн. Собр. Зак., т. IX, № 6613.

сектанству, не избѣгли общей участи, какъ видно изъ сообщаемыхъ гг. Мельниковымъ и Варадиновымъ данныхъ. Наконецъ въ губерніяхъ сѣверо-западнаго и эсто-латышскаго края также отъ времени до времени оказывались хлысты. Правда, численность сектантовъ опредѣлить даже приблизительно нѣтъ возможности. „Ибо свойства сей секты удивительны, скажемъ словами священника Сергѣева: хотя въ тайнѣ она больше всѣхъ сектъ хулить церковь, но священныхъ храмовъ, священства и всей святости церковной, какъ тѣ, не удаляется, да и наставники оной не только не запрещаютъ ученикамъ своимъ ходить въ церковь, но, наравнѣ съ благочестивыми, велятъ принимать всю святую церковную: не сквернить-де васъ сіе, дѣтушки,— дабы удобнѣе вамъ утаить отъ міра вѣру и тайны свои,— иногда-де и изъ ослей главы истекаетъ вода сладка (т. е. изъ устъ православныхъ священниковъ не противныя сектантамъ истины)“. Примѣная къ себѣ слова Спасителя апостоламъ: вамъ дано есть вѣдати тайны царствія, прочимъ же въ притчахъ, да видяще не видятъ, слышаще не уразумѣютъ, а также принимая къ руководству для себя слова церковной молитвы предъ причащеніемъ: не бо врагомъ твоимъ тайну повѣмъ,— сектанты подъ страшными клятвами даютъ обѣщанія не обнаруживать своихъ вѣрованій „предъ міромъ“. Они, поэтому, усерднѣе самихъ православныхъ посѣщаютъ храмъ и принимаютъ къ себѣ въ домъ священниковъ, говѣютъ иногда по четыре раза въ годъ, дѣлаютъ большія пожертвованія въ пользу церквей, золотятъ ихъ куполы, покупаютъ колокола и пр. Удивительно ли послѣ этого, что численность хлыстовъ опредѣлить даже приблизительно—нѣтъ возможности, если

даже раскольниковъ, открыто отдѣляющихся отъ церкви, не могутъ доселѣ надлежащимъ образомъ исчислить?

2. Народная психологія, наука еще новая, только зарождающаяся на западѣ (1), а у насъ пока еще вовсе неизвѣстная, должна съ теченіемъ времени выяснить причины такой живучести и такого усиленія этой странной секты въ Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что то направленіе религіознаго сознанія, какое представляетъ собою наша хлыстовщина, есть явленіе общенсторическое: гностицизмъ Александріи и Сиріи, евхиты, манихеи и богомилы, бичующіеся и пляшущіе, квакеры и ирвингіане—все это явленія, родственныя нашей хлыстовщинѣ; мы указали выше въ хлыстовщинѣ нѣкоторыя черты сходства или даже тождества съ этими сектами, а дальнѣйшее, болѣе обстоятельное изученіе нашей секты, по тѣмъ матеріаламъ, какими, будемъ надѣяться, г. Мельниковъ не откажется подѣлиться съ публикой, покажетъ намъ и новыя черты такого сходства или тождества. Но съ другой стороны то или другое психическое настроеніе, въ которомъ беретъ свое начало каждое ученіе, каждая секта, существенно обуславливается складомъ духовныхъ силъ извѣстнаго племени и народа, національнымъ темпераментомъ, историческими и бытовыми условіями жизни.... Г. Добротворскій думаетъ, что секта Людей Божіихъ „вовсе не сродна съ направленіемъ умовъ русскихъ простолюдиновъ“ (стр. 26), что „основатели секты, привязанные къ виѣшности и неспособные къ мистическимъ тонкостямъ, заняли свое ученіе отъ западныхъ еретиковъ“ (стр. 24)... Намъ

(1) Благодаря трудамъ Штейнгаля (ученикъ Гумбольдта), съ 1859 г. предпринимающаго специальное изданіе: *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*.

кажется, что народная психологія у насъ сдѣлала пока еще слишкомъ мало (1), „направленіе умовъ русскихъ простолюдиновъ“, складъ ихъ духовныхъ силъ выяснены далеко не на столько, чтобы можно было говорить такъ категорически. Въ настоящемъ случаѣ нельзя рассуждать а priori, нужно выходить изъ фактовъ; а такой фактъ, какъ свыше — двухвѣковое (по меньшей мѣрѣ) существованіе секты, ея живучесть и постепенное усиленіе по всему пространству обширной русской земли, не смотря на условія существованія самыя неблагоприятныя, едва ли можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія г. Добротворскаго, а скорѣе указываетъ на тѣсную органическую связь секты съ складомъ духовныхъ силъ русскаго простолюдина, съ нашимъ народнымъ характеромъ, наконецъ съ историческими и бытовыми условіями русской жизни. Что касается до привязанности русскаго простолюдина къ внѣшности, къ обрядности, то хлыстовщина — не молоканство, вовсе отрицающее внѣшній богослужебный культъ; мы видѣли, что кромѣ многочисленныхъ и сложныхъ обрядовъ, измышленныхъ самими сектантами, хлысты не чужды нѣкоторыхъ обрядовъ церкви и пародируютъ ихъ на своихъ радѣньяхъ. Наконецъ утонченныя рассужденія Радаева, не лишеныя остроумія и софистической изворотливости, равно какъ „видѣнія“ Аввакума Копылова и другихъ сектантовъ, вовсе не доказываютъ „неспособности простолюдина къ мистическимъ тонкостямъ“. Мы еще согласились бы съ г. Добротворскимъ, если бы онъ отнесъ свое замѣчаніе

(1) Нѣсколько данныхъ и соображеній изъ области этой науки мы находимъ въ замѣчательномъ изслѣдованіи г. Данилевскаго: „Россия и Европа“ (въ журналѣ „Заря“), а также въ статьѣ И. В. Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія западной Европы“. Вообще у насъ честь почина въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ славянофиламъ.

къ сектамъ рационалистическаго характера: онѣ дѣйствительно если и появлялись на Руси, то имѣли успѣхъ лишь временный (жидовствующіе); если и существуютъ въ ней въ настоящее время (молокане и духоборцы), то численность ихъ далеко не такъ значительна, какъ численность хлыстовъ. Русскій человѣкъ есть по преимуществу человѣкъ чувства, а въ преобладаніи чувства надъ мыслию, ощущенія надъ рефлексомъ и содержится источникъ мистицизма и мистической экзальтаціи, характеризующей хлыстовщину.

Вліяніе историческихъ и бытовыхъ условій жизни русскаго простолюдина также замѣтно отразилось въ ученіи и вѣрованіяхъ хлыстовъ. При рѣшительномъ отсутствіи всякой свободы и самобытности въ жизни гражданской и общественной, нашему простолюдину естественно было пытаться вознаграждать себя самобытностію въ жизни духовной, самодѣятельностію въ области мысли и чувства, и чѣмъ меньше было у него свободы въ жизни внѣшней, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ обнаружить смѣлости въ неподлежащей завѣдыванію извнѣ области внутренняго убѣжденія. Въ крайностяхъ и абсурдахъ хлыстовскаго ученія очевидно сказалась страстность раздраженія наболѣвшаго чувства, не оставляющая мѣста спокойному разсужденію, которое бы положило во время предѣлъ мистическому порыву и не допустило бы мужика сознаніе своего, человѣческаго достоинства до самообожанія. При низкомъ и тяжеломъ общественномъ положеніи простолюдину отъ радио утѣшать себя примѣненіемъ къ себѣ словъ Спасителя, что нищихъ и худородныхъ міра избралъ Богъ, чтобы посрамить крѣпкихъ, что Богъ утаилъ свою бо-

жественную истину отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ ее младенцамъ.

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики!
Ужь какъ эти мужики
Словно съ медомъ буряки...
Ужь какъ въ этихъ мужикахъ
Самъ Господь Богъ обитаетъ...

Такъ поютъ хлысты. Весь энтузіазмъ, все то глубокое чувство, какія мы находимъ въ хлыстовскихъ пѣсняхъ и какія ставятъ эти пѣсни, по нашему мнѣнію, выше всѣхъ другихъ видовъ народной лирики, возникаютъ изъ убѣжденія, съ такою простодушною наготою выраженного въ этомъ не большомъ отрывкѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что съ отмѣною крѣпостнаго права, вообще съ улучшеніемъ общественнаго положенія крестьянина, особенно же съ успѣхами образованности въ средѣ крестьянъ, хлыстовщина, какъ и другія секты, почерпающія свою живучесть въ тяжеломъ положеніи и невѣжествѣ нашего простаго народа, должны все болѣе и болѣе ослабѣвать. Не даромъ въ послѣднее время у хлыстовъ уже перестали являться христы, и начальники хлыстовскихъ общинъ именуютъ себя уже только пророками или даже просто — кормщиками кораблей; не даромъ ученіе Радаева уже чуждо крайностей ученія Суслова, а ученіе Аввакума Конылова еще мягче и менѣе враждебно ученію церкви.

Въ социальныхъ условіяхъ жизни нашего простолюдина находитъ себѣ объясненіе и тотъ гностическій аскетизмъ, какой, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, въ ученіи, если не въ практикѣ, составляетъ одно изъ болѣе выдающихся характеристическихъ отличій хлыстовщины. Исторія воспитала въ русскомъ человѣкѣ особенную

наклонность къ аскетизму. Припомнимъ чрезвычайное развитіе у насъ монашества, въ первую, до-петровскую половину нашей исторіи, припомнимъ исторію образованія мнимо-монастырскихъ раскольническихъ обществъ и скитовъ — олонецкихъ, иргизскихъ и другихъ — это упорное отрицаніе брачнаго принципа раскольниками въ теченіе столѣтій, и намъ станетъ нѣсколько понятною подобная же наклонность въ хлыстовщинѣ. Историческія судьбы нашего простолюдина были таковы, что мало оставляли ему возможности думать о наслажденіяхъ и радостяхъ брачной жизни. Они отнюдь не способствовали развитію въ немъ привязанности къ благамъ земной жизни вообще и оставляли лишь одно: гадать о блаженствѣ въ жизни загробной.

Но вотъ среди тяжелаго и малопроизводительнаго труда, среди нуждъ и злополучій крѣпостнаго быта выпадаютъ для простолюдина дни отрады и покоя — праздники. Въ то время, какъ „мірской“ человекъ предается безобразіямъ пьянаго разгула, хлысть тайкомъ отправляется въ „божій домъ“, въ „сіонскую горницу“

На святомъ кругу гулять,
Бога-свѣта прославить,
Въ золоту трубу играть,
Въ живогласку возглашать,

переживать наслажденія сильныхъ физическихъ ощущеній и мистическаго экстаза въ „банѣ духовной“, пить „пиво (1) духовное“:

(1) Подъ пивомъ духовнымъ, на языкѣ сектантовъ, разумются пѣсни и рѣчи пророковъ на радъняхъ. Слушая эти восторженные рѣчи, сопровождаемыя нерѣдко слезами, Андреяновъ переживалъ самъ такія ощущенія, такое душевное состояніе, которое действительно можно назвать „ушошнѣмъ“. Рѣчи пророчицы Устиньи, по его словамъ, не только его, но и „всѣхъ присутствовавшихъ приводили въ умленіе и слезы“ (см. Ист. мншет. внутр. дѣлъ, т. VIII, стр. 265).

Варилъ пивушко-то Богъ,
Затиралъ Святой Духъ,
Сама матушка сливала,
Вкупѣ съ Богомъ пребывала;
Святы ангелы послали,
Херувимы развозили...

Это „потѣнье въ банѣ духовной“ заканчивается иногда, какъ мы видѣли, свальнымъ грѣхомъ—явленіе, по видимому, противорѣчащее той аскетической проповѣди, которую слышитъ хлысть на томъ же радѣннѣ. Но въ то время, какъ „мірской“ простолюдинъ, позволяющій себѣ подобный грѣхъ послѣ плясокъ и пѣсенъ на посидѣлкахъ, спокойно совершаетъ его, какъ завѣдомый грѣхъ, нимало не стѣсняясь запрещеніями своего исповѣданія, — а раскольникъ-еодосѣвецъ въ подобномъ случаѣ вступаетъ въ сдѣлку съ своею совѣстію, придумывая казуистическое оправданіе грѣха („не согрѣшишь — не покаешься, не покаешься—не спасешься“) хлысть, согласно съ своими религіозными убѣжденіями въ томъ, что для другихъ составляетъ грѣхъ, видитъ дѣло религіознаго культа, „любовь Христову“. Въ порывахъ грубой чувственности, пробуждающихся съ особенною силою, вслѣдствіе бѣганія и прыганья, одновременно съ порывами мистическаго экстаза, хлысть, лишенный руководства св. Церкви, не въ состояніи усмотрѣть *ниъ законъ, противовоющъ закону ума*; онъ отождествляетъ одно съ другимъ, порывъ грубаго инстинкта съ мистическимъ экстазомъ, и тотъ и другой возводитъ къ одному источнику. Для него тутъ нѣтъ пасилія совѣсти, хотя, конечно, съ православной точки зрѣнія такое кощунственное извращеніе истины есть величайшая дерзость, до какой только можетъ дойти человѣкъ.

3) По вопросу о происхождении секты и времени появления ея на Руси мы встречаемся съ двумя противоположными воззрѣніями. Г. Добротворскій относитъ начало секты къ первой половинѣ XVII вѣка, къ началу царствованія Алексѣя Михайловича, когда „умные люди“, по выраженію одной хлыстовской пѣсни, пораженные оскудѣніемъ въ мірѣ чистоты и благочестія, собрались на святое мѣсто и своими молитвами созвали съ неба на землю Господа Саваоѳа, въ лицѣ крестьянина Данилы Филипова, который, даровавъ имъ Сына Своего, Христа, въ лицѣ Суслова, вознесся на небо. По мнѣнію г. Мельникова, секта людей Божіихъ перешла къ намъ изъ Греціи, чрезъ Болгарію, и занесена вмѣстѣ съ христіанствомъ еще при св. Владимірѣ, болгарскими священниками; хлыстовщина, по мнѣнію г. Мельникова, есть тоже богомилство или павликѣанство, которое въ свою очередь было ничѣмъ инымъ, какъ видоизмѣненіемъ манихейства, древнѣйшей изъ христіанскихъ сектъ востока, образовавшейся изъ смѣшенія христіанскихъ понятій съ ученіемъ Зердушта или Зороастра и проч. (1). Есть еще третье мнѣніе, по которому хлыстовщина произошла изъ сліянія ереси Бавшина и Косого съ ученіемъ квакеровъ, или же явилась какъ и непосредственное порожденіе проповѣди квакерства на самой невѣжественной почвѣ русскаго народа, не развитой раціонализмомъ“ (2). Всѣ же во-

(1) Мнѣніе Мельникова вполнѣ раздѣляетъ извѣстный своими этнографическими трудами („Годъ на сѣверѣ“, „На востокѣ“ и пр.) г. Максимовъ („За Кавказомъ“, Отеч. Зап. 1867 г., стр. 500—521).

(2) Ливановъ, въ статьѣ: „Раціонализмъ русскихъ сектантовъ“ (Всеобщ. Трудъ 1868 г., февраль, стр. 49). Онъ пытается отыскать связь между Данилой Филиповымъ и Кульманомъ, котораго преосв. Филаретъ прямо называетъ квакеромъ (Ист. Рос. Церк., пер. 4).

обще изслѣдователи согласны въ томъ, что хлыстовщина есть продуктъ чуждой намъ исторіи, цѣликомъ, искусственно, пересаженный на русскую почву, и отнюдь не хотять допустить, чтобы хлыстовщина была мѣстнымъ произведеніемъ русской національности, нашимъ доморощеннымъ дѣтищемъ. Намъ кажется, что прямую генетическую связь хлыстовщины съ тѣмъ или другимъ иноземнымъ ученіемъ доказать весьма трудно; самая мпожественность доктринъ, съ которыми сопрякасается хлыстовщина въ частностяхъ своего ученія, доказывасть, что оно не было простымъ повтореньемъ съ чужаго голоса ученія одной какой либо секты. При сходствѣ или тождествѣ многихъ частныхъ хлыстовскаго ученія съ ученіями сектъ востока или запада, въ основной своей доктринѣ — о многократныхъ воплощеніяхъ Сына Божія наша секта вполнѣ самобытна. Точно также трудно доказать, что сходство или даже тождество частныхъ хлыстовскаго ученія съ ученіями западными было слѣдствіемъ прямого заимствованія изъ этихъ послѣднихъ. Ближе всѣхъ наша секта къ богомильству, какъ это доказываютъ выписки изъ слова пресвитера Косьмы на богомиловъ (1), но соображенія г. Мельникова о заимствованіи хлыстами своего ученія отъ болгарскихъ священниковъ страдаютъ натянутостію и едва-ли выдержать строгую критику. Больше значенія въ смыслѣ мнѣнія г. Мельникова имѣють нѣкоторые факты, приводимые г. Добротворскимъ, который, впрочемъ, приводитъ ихъ отнюдь не имѣя намѣренія доказывать мнѣніе г. Мельникова: такъ, по словамъ св.

(1) Г. Мельниковъ приводитъ выдержки изъ слова Косьмы по отрывку, напечатанному въ книгѣ Руднева: „О ересахъ и расколахъ“. Онъ повидному не знаетъ, что *все* слово, въ болѣе исправной редакціи, напечатано въ Царств. Собесѣдникъ за 1864 годъ.

Димитрія Ростовскаго въ розыскѣ, о Сусловѣ говорили, что онъ родомъ турченинъ, очевидно на томъ основаніи, что Сусловъ былъ, какъ и его преемникъ Дупкинъ, бѣглый солдатъ и оба они участвовали въ походахъ противъ Турціи, слѣдовательно были въ Болгаріи или вблизи ея и могли тамъ познакомиться съ остатками богомилства. Затѣмъ г. Добротворскій приводитъ показаніе одной хлыстовской богородицы, записанное священникомъ Вазерскимъ о томъ, что „секта хлыстовъ происходитъ отъ запорожскихъ казаковъ, бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія (Некрасовцово?). Тамъ они имѣютъ главнаго настоятеля секты, въ видѣ Христа“ (1) и проч. Но указывая всѣ эти факты, г. Добротворскій тѣмъ не менѣе не пришелъ къ мнѣнію о тождествѣ хлыстовщины съ богомилствомъ, а находитъ все-таки возможнымъ заключать о происхожденіи нашей секты съ запада, изъ Польши и Силезіи. Главнымъ же образомъ г. Добротворскій видитъ тождество нашей секты людей Божіихъ съ Авиньонскимъ братствомъ народа Божія или новаго израиля, основаннымъ въ Петербургѣ извѣстнымъ искателемъ приключеній въ Россіи, въ царствованіе Екатерины II, полякомъ Грабіенкой и потомъ съ масонствомъ, которое, какъ извѣстно въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія имѣло большой успѣхъ въ Россіи. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Добротворскій находитъ достаточнымъ привести двѣ три мысли изъ масонскихъ сочиненій и указываетъ на то, что Радаевъ ссылался въ оправданіе своихъ мнѣній, на сочиненія г-жи Пюнь...

(1) Эта ссылка находитъ себѣ подтвержденіе въ рассказахъ г. Кельсіена („Русскіе двоевѣры“, Отеч. Зап. 1867 г.), который въ настоящемъ случаѣ имѣетъ нѣкоторый авторитетъ, какъ человекъ, собиравшій свои свѣдѣнія на мѣстѣ, въ Турціи.

Что касается до авиньонскаго братства, то достаточно прочесть статью г. Лонгинова, на которую ссылаются г. Добротворскій (1), чтобы видѣть, что затѣя Грабенки имѣла чисто-политическій характеръ, только прикрытый мистической доктриной, которая впрочемъ далеко не тождественна съ ученіемъ хлыстовъ. Ссылка Радаева на „евангеліе“ г. Гюль, какъ и вообще большое употребленіе въ средѣ хлыстовъ сочиненій мистической литературы (сочиненій Эккертгаузена, Штиллинга и друг.) (2), доказываетъ только то, что хлысты искали подтвержденія своего ученія вездѣ, гдѣ могли, что въ мистицизмъ начала нынѣшняго столѣтія они видѣли одно изъ слабыхъ проявленій „истиннаго вѣдѣнія“, открываемаго въ полной мѣрѣ духомъ Божиимъ собственно хлыстамъ. Не говоря уже о томъ, что масонство явилось у насъ значительно позже хлыстовщины, — ни хлыстовскихъ христовъ, ни радѣній, ничего подобнаго этимъ двумъ кореннымъ отличіямъ хлыстовщины не было въ масонствѣ. Масонство — беретъ свое начало совершенно въ другомъ источникѣ, нежели хлыстовщина, — оно не религіозная доктрина, а мистико-философская, отчасти политическая (розенкрейцерство) ученіе... Точно также хлыстовщина не есть квакерство, какъ оно не есть богомилство и масонство. Съ квакерствомъ еще чаще отождествляли хлыстовщину чѣмъ съ богомилствомъ и масонствомъ (3), на томъ основаніи, что Яковъ Барлей основалъ квакерство въ Англіи, а Анна Лей возставала противъ браковъ — въ то самое

(1) „Одинъ изъ мажиковъ XVIII-го вѣка“, Руск. Вѣстн. 1860 г., № 16.

(2) См. VIII-й т. Ист. минист. внутр. дѣлъ Варадинова, стр. 545—549. Чпювникамъ-слѣдователямъ не разъ случалось находить у хлыстовъ толкованіе на Апокалипсисъ г. Гюль и другія мистическія сочиненія.

(3) См. VIII-й т. Ист. минист. внутр. дѣлъ, стр. 549—550.

время, какъ Прокопій Лупкинъ проповѣдывалъ у насъ хлыстовщину. Но во всемъ остальномъ, кромѣ обрядовъ, наша хлыстовщина столь же существенно отличается и отъ квакерства, какъ отъ богомилства и масонства.

Съ своей стороны допуская, что хлыстовщина есть повтореніе на русской почвѣ явленія общенсторическаго, такъ какъ въ ея ученіи есть много аналогическаго или даже тождественнаго съ ученіемъ сектъ греко-болгарскихъ и западно-европейскихъ, мы однако хотимъ думать, что это общенсторическое явленіе возникло у насъ въ началѣ вполне самобытно, возникло изъ повторенія тѣхъ общихъ условій, каковымъ обязаны своимъ происхожденіемъ подобныя секты на западѣ и въ Болгаріи, внѣ всякой прямой исторической и генетической связи съ этими послѣдними. Близкая аналогія нашей секты то съ тою, то съ другою изъ сектъ западныхъ и болгарскихъ указываетъ лишь на общій источникъ тѣхъ и другихъ ученій, который содержится въ одинаковыхъ для всѣхъ людей законахъ человѣческаго духа, въ ихъ неправильномъ одностороннемъ развитіи. Г. Мельниковъ указываетъ на обстоятельство, въ высшей степени важное въ настоящемъ случаѣ, которому самъ онъ, впрочемъ, не придастъ должнаго значенія. Это— близкія отношенія основателя хлыстовщины Данилы Филиппова съ нѣкимъ чернцомъ Капитономъ (по имени котораго хлысты долгое время, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и до селѣ назывались капитонами), о которомъ отнюдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ въ сношеніяхъ съ кѣмъ либо изъ западныхъ сектантовъ-мистиковъ. Этотъ Капитонъ, котораго наши изслѣдователи несправедливо приурочиваютъ къ расколу старо-

обрядства (1), удалившись из монастыря, въ которомъ жилъ сначала, училъ, будто ни Церкви, ни таинства не нужны для спасенія, что для этого достаточно одной молитвы и другихъ личныхъ подвиговъ богоугожденій, а всякое внѣшнее содѣйствіе въ жизни духовной излишне, прежде же всего нужно умерщвленіе плоти посредствомъ строгаго поста и другихъ аскетическихъ подвиговъ. Отъ этаго гордаго отрицанія необходимости всякой свышестественной помощи въ дѣлѣ спасенія до хлыстовскаго самообожанія, до христовщины — одинъ шагъ. Этотъ шагъ сдѣлалъ ученикъ Капитона—Данила Филиповъ. Замѣчательно, что другой ученикъ Капитона Подрѣшетниковъ первый установилъ обрядъ причащенія—изюмомъ, который впоследствии мы не разъ встрѣчаемъ въ исторіи хлыстовщины. Подобно тому какъ у современныхъ хлыстовъ (въ нѣкоторыхъ корабляхъ) на годовомъ радѣннѣ, во время пѣнія пѣсень въ честь „матушки сырой земли“, выходитъ изъ подполья богородица, неся на головѣ чашку съ изюмомъ или другими сладкими ягодами и причащаетъ ими присутствующихъ (2), у подрѣшетниковъ „избираема была дѣвица, которая наряжалась въ цвѣтное платье и скрывалась въ подполье избы, и чрезъ нѣсколько времени... выходила изъ подполья, неся на головѣ рѣшето, наполненное изюмомъ и покрытое чистымъ платомъ и, про-

(1) Первые свѣдѣнія о Капитонѣ сообщаетъ тобольскій митрополитъ Писатій, въ своемъ 3-мъ посланіи (см. Прав. Соборѣд. 1838 г.). Что Капитонъ не былъ расколуучитель-старобрядецъ, какъ Аввакумъ и др., это видно уже изъ того, что онъ проповѣдывалъ свое ученіе еще въ царствованіе Михаила Федоровича, когда о расколѣ не было и рѣчи. Преемъ Писатій говоритъ о немъ въ своемъ посланіи потому, что предполагалъ обзоръ всея ереси и секты на Руси, въ томъ числѣ и расколъ старообрядства.

(2) Русск. Вѣстн. 1869 г. мартъ, стр. 381.

износя слова по подобію іерейскому: всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ, причащала ихъ, раздавая ягоды“ (1). Этотъ видъ причащенія при Лупкинѣ былъ замѣненъ причащеніемъ хлѣбомъ и квасомъ. При Лупкинѣ же и Андрей Петровъ мы видимъ въ первый разъ хлыстовскія радѣнья въ видѣ верченья, скаканья, что подало поводъ тогдашней слѣдственной комисіи отождествить секту съ квакерствомъ. Но на заимствованіе нашими сектантами этихъ обрядовъ отъ квакеровъ или отъ средневѣковыхъ бичующихся нѣтъ ни малѣйшихъ историческихъ указаній... Уже въ позднѣйшее время, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ эпоху непомѣрнаго развитія мистицизма въ Россіи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, въ лицѣ своихъ членовъ изъ высшаго общества (хлысты михайловскаго замка), хлыстовщина приходитъ въ соприкосновеніе и съ квакерствомъ и съ масонствомъ, и, нѣтъ сомнѣнія, испытала на себѣ вліяніе этихъ сектъ, оставаясь, по прежнему, вѣрною своей, самобытно измышленной, основной доктринѣ, и только послѣ этаго она получаетъ тотъ распространенный видъ, въ какомъ мы находимъ ее въ ученіи Радаева и Копылова.

Высказывая въ своей запискѣ постоянное негодованіе на безобразіе хлыстовскаго ученія, Сергѣевъ упоминаетъ и о нѣкоторыхъ добрыхъ свойствахъ хлыстовъ. „Они между собою очень дружелюбны, говорить онъ; хотя и бываютъ между ними ссоры, но небольшія и скоро прекращаются миромъ... Любятъ ходить опрятно, а достаточные я щеголяютъ. Бритіемъ и нѣмецкимъ платьемъ не гнушаются. Между ними не встрѣчается пьянства, такъ какъ употре-

(1) Исторія раск. преосв. Макарія, стр. 244—245.

бленіе спиртныхъ напитковъ запрещено еще Данилой Филиповымъ“. Большинство хлыстовскихъ пророковъ обладаютъ значительною начитанностію въ св. писаніи и церковныхъ книгахъ и вообще вражды противъ книжнаго образованія, которую будто бы проповѣдывалъ Данила Филиповъ, между современными хлыстами незамѣчается; напротивъ Аввакуму Копылову, христу тамбовскихъ хлыстовъ, когда онъ былъ на седьмомъ небѣ, Богъ велѣлъ „*доходить по книгамъ*“ о томъ, что есть грѣхъ, и что спасенье... Радаевъ же знакомъ не только съ св. писаніемъ и аскетическими твореніями отцевъ Церкви и церковныхъ писателей, но и съ произведеніями свѣтской мистической литературы.

Будемъ надѣяться, мм. гг., что съ успѣхами народнаго образованія, для котораго такъ много дѣлается въ настоящее время, народъ нашъ все болѣе и болѣе будетъ выразумѣвать истину православія, что съ улучшеніемъ общественнаго положенія и матеріальнаго быта нашего духовенства, о чемъ такъ усиленно заботится въ послѣднее время наше правительство, оно приобрѣтетъ болѣе нравственной силы въ народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе способовъ для обращенія заблуждающихся на путь истины и для успѣшной духовной борьбы со всѣми заблужденіями, существующими въ нашемъ народѣ, богатое религіозное чувство котораго питается такою недостойною пищею. Такого рода борьба единственное средство противъ сектанства. Г. Мельниковъ взываетъ къ полицейскому преслѣдованію и настаиваетъ на истребленіи хлыстовщины — правительственными мѣрами. Мы не считаемъ себя въ правѣ въ настоящемъ случаѣ входить въ разсмотрѣніе вопроса: насколько — дѣло науки и литературы предрѣшать по-

добнымъ образомъ дѣйствія администраціи; но намъ кажется, что исторія раскола, за все время его существованія, достаточно доказываетъ, что полицейскія мѣры способны лишь разжечь фанатизмъ сектантовъ, отнюдь не принося пользы дѣлу истины. Намъ кажется, что наука сдѣлаетъ все свое дѣло, если познакомитъ съ сектой, съ сущностью и подробностями ея ученія и т. п. „Обстоятельныя свѣдѣнія о какомъ-нибудь темномъ ученіи, справедливо говорить г. Добротворскій, служатъ лучшимъ началомъ къ обличенію ихъ несостоятельности. Въ древности возникали въ средѣ христіанства секты, сильныя софистической діалектикой, умомъ и энергіей своихъ представителей; но, обсуживаемыя всенародно, онѣ исчезали съ пзумительной быстротою... Особенно распространяется секта, если, скрывая въ тайнѣ сущность ея ученія, въ тоже время открыто вооружаются противъ нея не мѣрами убѣжденія, а полицейскими: есть, должно быть, думаетъ народъ, какая-нибудь опасность для вѣры въ ихъ ученія; есть, значить, какая-нибудь несостоятельность въ православной Церкви, если она защищается противъ какихъ-то невѣдомыхъ еретиковъ силою свѣтской власти. А между тѣмъ ни опасности для православной вѣры, сильной своею истиною, ни опасности для Церкви, которой неодолютъ врата ада, не представляютъ тайныя секты... Вся тайна успѣха ихъ въ тайнѣ... Приподнимите завѣсу предъ глазами народа и секты потеряютъ свою таинственную прелесть“.

Николай Барсовъ.